

Светлана
АЛЕШИНА

Миша ветра
В ПОЛЕ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Ищи ветра в поле (сборник)

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Ищи ветра в поле (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2000 — (Папарацци)

Ольгу Бойкову, главного редактора газеты «Свидетель», в первую очередь интересовало, кто же так занялся бедной бизнесменшей Обуховой? То наркотики подбросили, то машину взорвали... А теперь вот и саму владелицу мини-маркета убили у себя в квартире ударом ножа прямо в сердце. Кто? Может, ее заместитель – Кудрин? Ведь так часто бывает между компаньонами по коммерции. Но тут случилось то, что полностью разрушило предположения журналистки. Кошмар, преследовавший Обухову и закончившийся столь ужасно, продолжился: у Кудрина похитили дочь...

Содержание

Ищи ветра в поле	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Светлана Алешина

Ищи ветра в поле (сборник)

Ищи ветра в поле

Глава 1

«Господи, ну почему моя Маринка такая дура?!» – подумала я в стопятидесятый, наверное, раз, когда моя драгоценная подружка рассказала мне историю о своей очередной любви. Она оказалась абсурдной, как, собственно, и все ее романы.

Нет, она, конечно, здорово умеет варить кофе и замечательно играет в компьютерные игры, но вот строить отношения с мужчинами она совершенно не умеет! Да и мужчины-то попадают ей: то проходимцем окажется, то алкоголиком, а то и вовсе преступником.

Сколько раз я говорила ей, что нужно быть более осмотрительной при знакомстве с мужчинами, тем более с ее увлеченностью и готовностью влюбиться в любой момент. Дело в том, что Маринка из каждой случайной и, возможно, ничего не значащей связи пыталась выстроить какие-то романтические отношения типа «любовь до гроба» и тому подобное. Нечего и говорить, что при таком подходе все заканчивалось одинаково плачевно.

На этот раз Маринка еще легко отделалась – он был всего лишь охранником, с которым она познакомилась на автобусной остановке. Я помню, как горели ее глазки, когда она рассказывала мне, какой он замечательный. Признаться, я восприняла это несколько скептически. Мой скепсис оправдался совсем скоро.

Неделю этот герой-любовник жил у Маринки на ее полном обеспечении, причем эта разгильдяйка даже выпросила у меня отпуск за свой счет на это время. И я, поддавшись на ее слезные уговоры, проявила недопустимую в данном случае лояльность.

Неделю мы промучились без ее изумительного кофе – курьер Ромка, который научился в последнее время его готовить ничуть не хуже, как назло, в это время сдавал сессию. Но зато и отдохнули от ее бесконечной болтовни. Я уж было грешным делом подумала, что Маринка и впрямь нашла свое счастье и даже от души порадовалась за нее.

И вот сегодня она вдруг явилась, хотя должна была прийти на работу только завтра! Меня сразу же насторожил этот преждевременный приход, и я поняла, что ничего хорошего из ее очередного увлечения не получилось.

И действительно, как рассказала мне Маринка, шмыгая носом и нервно дрыгая ногой:

– Оля, нет, ну ты подумай, бывают же такие меркантильно ориентированные мерзавцы! – при этом ноздри Маринки возмущенно раздувались от гнева. – И как только я могла так опростоволоситься, а, Оля? С моим-то чутьем природным, которое никогда меня не обманывает!

В ответ на эти слова мне оставалось лишь усмехнуться. У меня с губ уже были готовы сорваться ехидные комментарии, но я сдержалась и спросила:

– Он что, обещал на тебе жениться в случае, если ты купишь ему машину и квартиру?

– Хуже! – проныла Маринка и сделала страшные глаза.

Потом она закатила их, пару секунд подумала и резко выдохнула:

– Он забрал все мои компакт-диски! С записями Филиппа Киркорова и Мурата Насырова!

Честно говоря, с моей точки зрения, потеря была невелика, но Маринка придерживалась совершенно другого мнения. Лишившись своего сокровища, она уверилась, что большего негодяя, чем этот хмырь, в своей бурной жизни еще не встречала.

Я помнила, что Маринка так отзывалась о каждом своем поклоннике, после того, как он приобретал статус бывшего, поэтому не удивилась. Более того, мне было скучно ее слушать, так как тема не отличалась новизной. Однако из вежливости мне в течение получаса пришлось охать и ахать, а потом, обессилев, лишь сочувственно кивать, с трудом сдерживая приступы зевоты.

Поэтому, когда раздался телефонный звонок, я облегченно вздохнула и тактично напомнила Маринке об ее обязанностях секретарши.

Маринка, надо отдать ей должное, тут же включилась в работу и взяла трубку.

– Алло, газета «Свидетель», доброе утро! – неожиданно звонким голосом прошептала она. – Конечно, заходите, – уверенно сказала она после того как выслушала то, что говорили ей на другом конце провода.

Чем несказанно меня удивила, так как решения подобного рода в этой газете пока что принимала я. Но, может быть, Маринка решила взять на себя часть моих обязанностей? Я уже было хотела напомнить ей о сложившейся в газете иерархии, но вовремя вспомнила о личной драме, которую она пережила в последнюю неделю, и не стала укорять подругу.

Тем более что в кабинет зашел фотограф Виктор, и Маринка, обрадовавшись, что получила свободные уши для излияния своих проблем, полностью переключилась на него. Мне в очередной раз пришлось выслушивать всю историю от начала до конца, обильно одобренную различными выражениями, смысл которых сводился к одному: «Все мужики – сволочи!»

Чем хорош Виктор, так это тем, что он отличается молчаливостью и сдержанностью. Поэтому он кивал головой и ничем больше не выражал своего истинного отношения ко всему происшедшему с Маринкой. Причем саму Маринку совершенно не смущало то, что она рассказывает столь интимные вещи своему, как бы это сказать...

Черт, даже и не подберешь слова для того, чтобы охарактеризовать их отношения с Виктором! Она по-прежнему Виктору очень нравится. Маринка же вела себя крайне непонятно. То есть она не отвергала ухаживаний Виктора и даже как будто бы их благосклонно принимала... и однажды они даже вместе отправились в путешествие на байдарках, после чего все уверились в том, что вернутся они если не мужем и женой, то, по крайней мере, женихом и невестой уж точно... Но...

У Виктора же вообще бесполезно было пытаться что-либо узнать. Кроме слова «нормально», он все равно бы ничего не сказал.

И теперь мне несколько странно было наблюдать, что Маринка повествует о своей личной драме именно ему.

Увидев через две минуты, что меня воспринимают исключительно в качестве мебели, я немножко обиделась и попыталась заняться работой – перекладывать документы с места на место.

От этого содержательного занятия меня отвлек наш ответственный секретарь Сергей Иванович Кряжимский, которого совсем не интересовала история Маринкиной любви. Она догадывалась об этом, поэтому даже и не делала попытки использовать его в качестве собеседника.

Кряжимского в основном волновали проблемы очередного номера нашей газеты. Он сообщил мне, что надо заполнить «подвал» на четвертой полосе, и сразу же предложил несколько вариантов.

– Да вы присаживайтесь, Сергей Иванович! – сказала я, покосившись на Маринку, которая фривольно развалилась в кресле, и обратилась уже к ней: – Мариночка, не могла бы ты выбрать другое место для общения с Виктором?

Про себя я подумала, что неплохо было бы нашей секретарше избрать себе заодно и другое место работы. Поскольку любовь, конечно, хорошее чувство и мужики, какими бы сволочами ни были, все-таки иногда приносят пользу, но работа есть работа.

– Кстати, кого это ты пригласила к нам в редакцию? – остановила я Маринку, вспомнив о телефонном разговоре.

– Ах, да! Это какая-то тетка, бизнесменша, – беспечно ответила Маринка, увлекая Виктора за собой из кабинета. – У нее какие-то проблемы... – повернулась она уже от двери.

Она была ничуть не смущена тем, что ее просто-напросто выпроводили из кабинета. Я бы давно выгнала ее, но Маринка как-никак была моей давней подругой. И опять же кофе варит хорошо...

Тем временем Кряжимский, опустившись в кресло, держа спину как всегда прямо, флегматично поведал мне:

– Есть материал про кражу садово-огородного инвентаря из тридцать седьмого жека... Проще говоря, кто-то взломал замок и вынес со склада пять лопат, три мотыги и одни грабли. Преступники до сих пор не обнаружены.

– Мелковато, Сергей Иванович, – скептически поморщилась я.

– Так ведь обмельчал преступник-то в нынешнее время, – заметил Кряжимский, разводя руками.

– Вы так думаете?

– Ну, могу предложить еще историю ссоры двух соседей-пенсионеров из-за женщины, примерно такого же возраста как и они... – немного подумав, произнес Кряжимский.

– И что в ней интересного? – подняла брови я.

– Да ничего, кроме того, что они умудрились нанести друг другу абсолютно симметричные колотые ранения кухонными ножами.

– Пойдет, – лениво сказала я. – Лучше все равно ничего нет.

– Предлагаю назвать статью «Любви все возрасты покорны».

Я, слегка подумав, согласилась. Кряжимский встал и направился к своему столу подверстывать макет номера.

Я решила посидеть одна и спокойно попить кофе и уже хотела вызвать Маринку, чтобы она его приготовила, как вдруг дверь кабинета открылась и Маринка появилась сама.

– Она пришла, – заявила она с порога, предполагая, видимо, что я прекрасно понимаю, о ком идет речь.

– Кто? – недовольно спросила я.

– Ну, та самая тетка-бизнесменша. Обухова фамилия ее, кажется.

«Нет, она решительно стала позволять себе недопустимое!» – подумала я про свою подругу. Ни фамилии толком спросить не может у посетителя, не говоря уже об имени-отчестве.

– Проси, – лаконично сказала я, поняв, что спокойно попить кофе сегодня не дадут, по крайней мере в ближайшее время.

Маринка тут же исчезла, а вместо нее на пороге кабинета появилась высокая дородная женщина лет тридцати пяти, с огненно-рыжими волосами.

Одета она была очень претенциозно, но при этом безвкусно. На ней было яркое пальто малинового цвета, пестрый шарф обвивал ее не слишком изящную шею. На голове красовалась шляпа тигровой расцветки. Поля шляпы были несколько великоваты, к тому же загибались вверх. На ногах у дамы были замшевые ботинки черного цвета с очень острыми носами. Пальто было распахнуто, поэтому я сразу же смогла лицезреть чересчур облегающий ее крепковатую фигуру брючный костюм бирюзового цвета.

Вся одежда была, безусловно, дорогая, но не могла ни в коей мере претендовать на изысканность. Стиль дамочка абсолютно не выдерживала. Возникало ощущение, что на ней надеты вещи, снятые с разных людей.

Макияж ее был чересчур ярким и в официальной обстановке выглядел просто нелепо. Чувствовалось, что дама вылезла, что называется, из грязи в князи и отчаянно пыталась создать имидж солидной женщины.

– Здравствуйте, – произнесла она низким хриловатым голосом. – Меня зовут Людмила Николаевна Обухова, я владелица мини-маркета «Людмила». Наверняка вы слышали о нем, это единственный мини-маркет в городе, который торгует игрушками из Австралии.

Я кивнула, хотя ни разу не пользовалась услугами данного мини-маркета, а к игрушкам вообще не испытывала особого пристрастия.

– Присаживайтесь, – суховати сказала я, указав даме на кресло, в котором минуту назад сидел Кряжковский. – Я главный редактор газеты Бойкова Ольга Юрьевна.

Дама опустилась в кресло.

– Это с вами я разговаривала по телефону? – спросила она.

– Нет, – призналась я и равнодушно добавила: – Это был наш секретарь.

Дама скептически поджала губы, потом оценивающе осмотрела меня с ног до головы, попросила разрешения закурить и, после того как ей это было любезно позволено, достала пачку «Мальборо». Сделав первую затяжку, она приступила к изложению своего дела, ради которого и появилась в нашей редакции.

– Понимаете, – доверительно начала она, стряхивая пепел, – бизнесменам сейчас очень тяжело приходится. Оч-чень! – выразительно подчеркнула она. – Это только кажется, что деньги легко достаются. На самом деле сплошная нервотрепка с утра до вечера. Практически никакого отдыха, вы не поверите, Ольга Юрьевна, я третий год работаю без отпуска. Высохла вся... На себя времени совсем не остается. А денег на самом деле не так и много получаю за все это.

Она посмотрела на меня в ожидании сочувствия. Я же, окинув взглядом ее фигуру, весьма скептически подняла брови. Если это называется «высохла», то можно себе представить, что она думает по поводу моей худощавой фигуры. Но, чтобы не разрушить раньше времени доверительность дамы – она могла оказаться полезной клиенткой, – я выжала из себя сочувственный вздох.

Обухова с готовностью вздохнула мне в ответ. Мы некоторое время помолчали, потом я посмотрела ей в глаза, давая понять тем самым, что пора переходить к конкретике.

– Так вот, собственно, о чем идет речь... – встрепенулась посетительница. – Очень сильно в последнее время стали зажимать нашего брата. Можно сказать, чморят. Иного слова и не подберешь... – добавила она. – Со всех сторон сплошные наезды, – она придвинулась ко мне ближе. – Посудите сами: санэпидстанция, налоговая полиция, налоговая инспекция, пожарная охрана, народный контроль и еще бог знает кто! Я уж не говорю, что приходится отстегивать... – она помолчала, прищурив глаза, – ну, сами знаете кому.

– Ну, это у нас обычная практика, – согласилась я. – И что же вы от нас хотите?

– Как что? – дама сделала круглые глаза, оскорбившись в лучших чувствах. – Защитить нас, честных бизнесменов! Не безвозмездно, конечно...

Обухова сделала характерное движение пальцами, как бы пересчитывая купюры. И, придвинувшись ко мне еще ближе, выдохнула весьма круглую сумму. Признаться, мне она показалась весьма привлекательной.

– Одним словом, я прошу вас опубликовать статью в нашу защиту. А то что это получается: в прошлом месяце три проверки, за нынешние полмесяца аж целых четыре! Постоянные придирки, поборы, совершенно внаглую вымогают деньги и товары! То им три ящика шампанского, то игрушки – у них, видите ли, дети... Слава богу, у меня их нет. А за что, собственно, платить-то? Я, знаете ли, чту наши законы.

Я задумалась.

– Вы можете проехать вместе со мной в магазин и убедиться в том, что никаких особых нарушений у нас нет, – горячо продолжала уверять меня в своей кристальной честности Обухова.

Я сомневалась в том, стоит ли портить отношения со столь уважаемыми структурами, которые перечислила Людмила Николаевна. К тому же не была уверена, возымеет ли на них статья в нашей газете должное действие.

Но, с другой стороны, обещанная сумма в качестве вознаграждения толкала меня на некоторый риск.

– Хорошо, поедemте, – я решила сама взять на себя роль корреспондента.

На лице Людмилы Николаевны отразилось облегчение. Она тут же поднялась, улыбнулась и загасила сигарету в пепельнице. Затем она решительным шагом направилась к выходу.

– Оля, ты уходишь? – окликнула меня бесцеремонная Маринка, прерывая свой монолог о несчастной любви, направленный в адрес фотографа Виктора.

– Да, у меня дела, – сухо ответила я. – Вернусь часа через два.

Мы с Обуховой вышли из редакции, и она приглашающим жестом указала мне на черный «Ниссан». Я еще раз про себя отметила «низкий» уровень жизни наших бизнесменов. За рулем «Ниссана» читал журнал молодой парень-шофер с круглой физиономией.

Обухова опустилась на переднее сиденье рядом с ним и коротко бросила:

– В магазин!

* * *

Мини-маркет «Людмила» находился почти в самом центре города, на улице Рахова, на первом этаже кирпичной двухподъездной девятиэтажки. Его яркие вывески привлекали внимание еще издали, так и зазывая покупателей.

Возле входа в мини-маркет стояло несколько иномарок, причем одна из них практически перегородила вход. Шофер припарковал машину немного поодаль и остался лениво почитывать свой журнал.

Мы с Обуховой прошли к входу в магазин, но на пороге нам властно преградил дорогу высокий человек в черном плаще.

– Извините, закрыто, – безапелляционным тоном заявил он.

– В чем дело? – нахмурила брови Людмила Николаевна.

– Проверка идет, – односложно пояснил человек в черном плаще. – Приходите попозже.

– Вообще-то это мой магазин, – расставила точки над «i» Обухова.

– В таком случае пройдемте, – все тем же властным официальным тоном сказал «черный плащ». – А вы подождите, девушка, – небрежно бросил он мне.

Я вынула из сумочки свое служебное удостоверение, где было написано, что Ольга Юрьевна Бойкова является главным редактором газеты «Свидетель».

«Черный плащ» нахмурился, но посторонился, тем самым давая мне понять, что дорога свободна.

– Вы бы тоже представились, – попросила его я.

– Пожалуйста, – буркнул он, вынул из кармана удостоверение и в раскрытом виде сунул мне его под нос. Как следовало из книжечки, передо мной стоял капитан Морозов, сотрудник РУБОПа.

Я несколько насторожилась, прочитав эту аббревиатуру. Обычно эти сотрудники появляются, когда речь идет не просто о каких-то нарушениях в налоговой сфере. Значит, дело может быть и более серьезным, чем представила мне Обухова.

Я посмотрела на хозяйку мини-маркета. Ее лицо вытянулось, и даже под толстым слоем макияжа было заметно, что она побледнела.

«Чувствует ли она свою вину или нет?» – пронеслось у меня в голове. До этого момента мне казалось, что Обухова была искренна со мной.

– Что случилось? – разлепила она губы, когда мы в сопровождении капитана Морозова прошли в торговый зал.

А там вовсю царило то, что на языке рубоповцев и криминальных элементов именуется коротким словом «шмон». Молоденькие продавщицы в форменной одежде испуганно жались в углу. Лица их выражали крайнюю озабоченность. Они о чем-то напряженно перешептывались, периодически бросая косые взгляды на оперативников.

Те же, в свою очередь, невозмутимо шарили по полкам, методично вскрывая коробку за коробкой. Увидев Обухову, девчонки как-то облегченно выдохнули.

– Слава богу! – пронесся шепот с их стороны.

– Что это за безобразие! – тем временем гневно спросила Людмила Николаевна. – Вы в своем уме? Прекратите немедленно!

В ответ на это из толпы оперативников выделился невысокий коренастый краснолицый мужчина лет сорока. Он подошел к нам и картавым голосом произнес:

– Гражданка Обухова! Попрошу соблюдать тишину и порядок. Работает оперативная группа, мы получили сообщение, что на территории вашего мини-маркета хранится крупная партия наркотических веществ.

– Что-о-о?!

– А вы, собственно, кто? – поинтересовалась я у картавого.

– Майор Степанчиков, – важно представился он, насупив белесые брови, постаравшись придать своему и без того суровому лицу еще более мужественное выражение.

Я удивилась, как это Обухова не хлопнулась при упоминании о наркотиках в обморок. Ее лицо выражало крайнюю степень недоумения. Затем на нем промелькнул испуг. Впрочем, она быстро взяла себя в руки и уверенно заявила, пожав плечами:

– Что ж, ищите... Только предупреждаю, что вы напрасно потратите время.

Затем она, преисполненная чувства собственного достоинства, хотела было пройти в свой кабинет, но ее и туда не пустили. Тогда она, окончательно оскорбленная, прошла в угол торгового зала и демонстративно села на ящик с консервами. Она заложила ногу на ногу и, закулив сигарету, нервно стряхнула пепел прямо на пол.

– Идиотизм какой-то, – пробормотала она.

Я подошла и устроилась рядом с ней. Обухова чуть подвинулась. Оперативники тем временем продолжали свою работу. Покончив с осмотром торгового зала, они решили переместиться в кабинет директора. Обухова уже выкурила сигарету и нервно двинулась вслед за ними.

– Что вы делаете? – резко спросила она. – Это мой личный кабинет!

– Мы должны осмотреть все помещение, – категоричным тоном заявил Степанчиков и, шурша полами своего коричневого кашемирового пальто, энергично промаршировал по коридору. – Так что попрошу открыть кабинет.

Обухова хотела было возмутиться, но то ли суровый вид Степанчикова подействовал на нее, то ли ей захотелось побыстрее отвязаться от рубоповцев, но она беспрекословно достала из сумочки ключ и открыла дверь кабинета.

Степанчиков в сопровождении двух оперативников вошел в кабинет. Это было маленькое помещение площадью с небольшую комнату в какой-нибудь квартире-хрущевке. Майор обвел глазами шкаф и стол. Шумно выдохнув воздух, словно решаясь на что-то важное, он мрачно кивнул оперативникам:

– Приступайте.

Оперативники с отсутствующими лицами принялись методично обшаривать ящики стола и полки шкафа, бесцеремонно сбрасывая на пол все то, что, по их мнению, им мешало в проведении осмотра.

Наконец один из них подал голос:

– Михаил Анатольевич, здесь какой-то пакет...

Он засунул руку в дальний угол шкафа.

– Где? – сразу же насторожился Степанчиков, и брови его грозно сдвинулись.

– Вот, – оперативник протянул ему маленький целлофановый пакет, в котором просвечивал какой-то белый порошок.

Степанчиков взял пакет, повертел его в руках, еще раз выдохнул, бросил в сторону Обуховой укоряющий взгляд своих карих глаз, потом взял ножницы и аккуратно разрезал пакет.

Понюхав его содержимое, он поморщился и протянул:

– М-да-а...

Подняв глаза на Обухову, он коротко спросил:

– Ну?

– Что ну-то? – тут же нервно отреагировала владелица мини-маркета. – Что ну-то?

– А говорили, что мы зря потратим время, – ехидным тоном напомнил злопамятный Степанчиков.

– И что? – не унималась Обухова.

– Ничего... Протокол будем составлять... Морозов! – каркнул он. – У тебя бланки с собой?

– Да, Михаил Анатольевич.

– Приступай!

И Степанчиков, пропустив Морозова к столу, смахнул с него воображаемую пыль и, скрестив руки на груди, отошел к стене.

– Что в пакете-то? – равнодушно спросил Морозов.

– Похоже, что героин, – мрачно констатировал Степанчиков.

– Что-что? – заголосила Обухова, переходя на сверхзвуковую частоту.

– Героин, героин... По крайней мере, по запаху... – Степанчиков еще раз стрельнул в Обухову своими глазами.

Взгляд его явно нельзя было отнести к разряду дружелюбных.

Обухова ошарашенно посмотрела на него, потом на Морозова. Затем взгляд ее перенесся на мою скромную персону и стал совершенно растерянным.

– Ольга, – пролепетала она, хватая меня за рукав. – Это невозможно, это провокация! Меня подставили...

Степанчиков еще раз вздохнул и обратился уже ко мне:

– Вот пресса у нас здесь, независимая... как я понял, – сохраняя ехидный тон, заметил он. – Так что все объективно... Кто вас подставил-то? – уже более грубо спросил он у Обуховой.

Та застыла с раскрытым ртом и лишь ошалело смотрела на всех.

– Вы знаете, сколько раз я это слышал! – повысил голос Степанчиков. – Подставили, подбросили... Дверь в кабинет была закрыта, мы вошли сюда вместе с вами, девушка, – кивнул он в мою сторону, – может подтвердить. Так что не надо... Борзов, пригласи понятых! – кивнул он другому оперативнику, который скучал около двери.

– Где я их найду-то? – удивленно пробасил тот.

– Ой, господи, – поморщился Степанчиков. – Первый раз, что ли? Девчонок пригласи из зала...

– А! – басовито протянул Борзов и почесал затылок. – Всех?

– Двух хватит, – отрезал Степанчиков, и Борзов исчез из поля нашего зрения.

– Да что же это такое! – запричитала Обухова. – Сплошные несчастья на мою голову валятся! словно кто извести меня вздумал! И ведь чувствовала же, что неладное что-то творится... И надо же было мне из кабинета отлучиться вчера и не запереть его на ключ!

Я взяла Обухову за рукав пальто.

– Успокойтесь, Людмила Николаевна! Вы же не можете сидеть в кабинете безвылазно... К тому же если вас хотели подставить, то могли с таким же успехом подбросить наркотики и к вам домой.

– Дома у меня дверь железная! – продолжала разоряться Обухова.

– Это не преграда, – отрезал Степанчиков, покосившись на бизнесменшу.

Когда протокол был составлен и подписан всеми участниками официальной процедуры, Степанчиков подошел к Обуховой и мрачно резюмировал:

– Вы арестованы! Морозов! Проводи задержанную.

Морозов без всяких эмоций достал из кармана наручники, двинулся к Обуховой и лаконично потребовал:

– Руки!

Та с ужасом переводила взгляд со своих рук на эти незамысловатые железные предметы, казавшиеся ей, видимо, в данный момент орудием пыток.

– Что... вы собираетесь делать? – прошептала она севшим голосом.

– Вам же сказали – руки! Вы арестованы! – раздраженно повторил Степанчиков.

Обухова несколько секунд стояла с видом проглотившей аршин, потом внутри у нее что-то щелкнуло, и она безвольно протянула руки. Морозов деловито защелкнул наручники и показал Обуховой на дверь.

– Вот так, – удовлетворенно констатировал Степанчиков.

И, шумно вздохнув напоследок, он протопал вслед за конвоируемой Обуховой в коридор. Уже на пороге он вдруг обернулся, бросил на меня прищуренный взгляд и объявил:

– Все свободны!

Глава 2

Возвращалась я в редакцию со смешанными чувствами. С одной стороны, мне казалось, что Обухова не играла, и я была готова поверить в то, что наркотики ей действительно подбросили... Но с другой стороны – майор Степанчиков был прав: кабинет был заперт, вошли мы туда все вместе... Каким же образом в кабинете оказались наркотики? Если допустить, что их туда подкинули, то встает резонный вопрос: кто и как это сделал?

Маринка встретила меня первой. Она уже, видимо, забыла о трагедии, постигшей ее, потому как находилась в приподнятом состоянии духа. Она бодро шныряла по приемной, напевая под нос песню Филиппа Киркорова «Пташечка моя», видимо, чтобы хоть как-то компенсировать потерю своих любимых компакт-дисков.

– Ну что? – непринужденно спросила она у меня. – Как там бизнесменша?

– Посадили ее, – устало сказала я, бросая сумочку в кресло и плюхаясь туда же.

– Да ты что! – лицо Маринки сразу же посерьезнело.

Подхватив кофейник и быстро наполнив две чашки кофе, она подскочила ко мне и протянула одну из них.

– Рассказывай, рассказывай же! – возбужденно затормошила она меня.

– Ох, да что рассказывать! – попробовала отмахнуться я. – Приехали, там милиция... Обыск провели.

– Она мне сразу не понравилась! – высказалась Маринка. – За что ее взяли-то?

– Наркотики, – односложно выдохнула я и достала сигареты.

– Оп-паньки! – торжествуя хлопнула в ладоши Маринка. – Попалась, пташечка! Вот они, бизнесменши хреновы! А какой овечкой прикидывалась, а, Оля?

Маринка вскочила с кресла и радостно закружилась по приемной. Эта история, вне всякого сомнения, привела ее в восторг, и она устремилась в фотолабораторию к Виктору, желая немедленно поделиться с ним приятными новостями. При этом она совсем забыла, что, когда фотограф работает у себя, дверь открывать нельзя. Вслед за Маринкиным движением раздался какой-то неопределенный звук. Видимо, так Виктор выразил свое удивление и недовольство. Затем, увидев, что явилось причиной, он высказался более конкретно:

– Твою мать-то, блин!

Признаться, я никогда не слышала от нашего молчуна столь длинной фразы. Это, согласитесь, был показатель того, какие страсти кипели внутри Виктора в данный момент!

Маринка была ошарашена не менее моего, потому что застыла на пороге лаборатории с открытым ртом на несколько секунд. Затем изумленно протянула:

– Вик-тор!

После чего круто повернулась, обиженно вздернула нос кверху и гордо удалилась на место курьера Ромки, демонстративно включив компьютерную игрушку. Она осталась там сидеть до конца рабочего дня, усердно шмыгая носом так, чтобы было слышно в лаборатории.

Я прошла к Сергею Ивановичу и поинтересовалась, как идут дела. Выяснилось, что Кряжимский уже закончил работу над заполнением подвала, чем несказанно меня порадовал. Впрочем, другого я от него и не ожидала – педантичный трудоголик, патриарх нашей редакции ответственный секретарь Кряжимский всегда относился к работе более чем ответственно, оправдывая в полной мере свою должность.

– А что у вас, Ольга Юрьевна? – полюбопытствовал он в свою очередь.

Я рассказала все как было и вздохнула.

– Ситуация очень неоднозначная, – помолчав, выдал Сергей Иванович. – Как вы намереваетесь поступить? Писать статью в защиту или нет?

– Нечего помогать всяким аферисткам! – крикнула вездесущая Маринка.

Мы одновременно посмотрели в ее сторону, потом друг на друга. Я пожала плечами.

– Не знаю, Сергей Иванович, – призналась я. – И, честно говоря, не хочу сегодня об этом думать. Ну его, это дело! Оно оставило в моей душе неприятный осадок. Давайте лучше поедem ко мне домой и устроим небольшой праздник. А то и у Маринки сегодня настроение на нуле – заодно и ей поднимем тонус.

– Отлично! – влетела Маринка, схватила меня за плечи и закружила по комнате. – Отлично, Оля, отлично! Ты всегда знаешь, что предложить! Испечем торт... Нет, не будем возиться, лучше купим в супермаркете. Скажем, «Киевский»! Или нет, лучше такой, знаете, в форме... – Она остановилась, перебирая пальцами.

– В форме змеи, – подсказала я.

– Что? Какой змеи? – уставилась на меня Маринка, потом, поняв, что я шучу, махнула на меня рукой. – Да нет же, вечно ты выдумываешь! В форме сердечка! Это будет выглядеть очень романтично, правда?

– Правда, – согласилась я.

– И мороженого купим! Сразу две большие коробки! Апельсинового и шоколадного! – загорелись глаза у Маринки.

– Чудесно, только вот кто все это проспонсирует? – скептически спросила я, догадываясь, что у Маринки сейчас нет ни гроша, так как все средства наверняка ушли на ее хмыря.

– А Виктор на что? – резонно заметила Маринка и хмыкнула. – Для мебели, что ли?

В общем, к шести часам мы все вышли из редакции и собрались ехать ко мне домой. Виктор, выслушав Маринкины щебетания по поводу того, что ей хотелось бы отведать, молча перевел взгляд на меня.

– Купи четыре пирожных «Волга», – сказала я ему, и Виктор, кивнув, направился к дверям «Кулинарии». Маринка хотела было что-то возразить, но потом вдруг передумала и стала задумчиво выковыривать носком ботинка бутылочную крышку из-под колеса машины.

Вскоре Виктор вернулся, неся в руках пакет. Мы сели в мою «Ладу» и отправились ко мне домой.

По прибытии квартира моя наполнилась, как это всегда бывает в подобных случаях, шумом, смехом и суетой. Больше всех суеты вносила, конечно же, Маринка, но у меня даже не было сил сердиться на нее.

– Нет, вы только представьте! – разглагольствовала Маринка, слизывая с пальцев белый крем. – Приходит, понимаете, этакая дамочка и начинает рассказывать сказки о том, какая она честная! А сама наркотики держит у себя прямо в кабинете!

– В сущности, ее и в самом деле могли подставить, – рассудительно произнес Сергей Иванович, помешивая ложечкой сахар в чашке.

– Каким образом? – надо признаться, этот вопрос мучил меня больше всего.

– Ну, например, это мог сделать кто-то из работников магазина. Или работниц. Нельзя исключать и недоброжелателей из той же налоговой полиции, которые в свое последнее посещение могли подкинуть пакет.

Я посмотрела на Виктора. Он в качестве согласия с этими предположениями кивнул головой.

– Да что вы говорите! – пренебрежительно махнула рукой Маринка. – Защищаете неизвестно кого! Вернее, совершенно известно...

Она хотела было уже сказать кого именно, но тут раздался звонок в дверь. Я поднялась и пошла открывать. На всякий случай Виктор, привыкший к разного рода неожиданностям, двинулся вслед за мной.

Открыв дверь, я к своему удивлению обнаружила стоявшую на пороге Людмилу Николаевну Обухову. Вид у нее был крайне суровый и деловой.

– Ольга Юрьевна, извините, что я к вам домой, вот так неожиданно... Просто времени крайне мало, – поджав губы, сказала она.

При этом она подозрительно покосилась на Виктора, который монументально красовался сзади меня. Я же в свою очередь весьма скептически восприняла ее явление в мою квартиру, что, видимо, явственно отразилось на моем лице.

– Вы не волнуйтесь, – сразу же поспешила развеять мои опасения Обухова. – Меня отпустили под залог. Да я уверена, что в самом ближайшем времени все разрулится как нельзя лучше. Это же на самом деле не мои наркотики – вы же понимаете. Я сама ни разу не пробовала эту гадость и никому не советую... Да это просто смешно – обвинять меня в подобной мерзости! Мне их подкинули – это совершенно ясно. Только надо выяснить, кто это сделал. И я это в конечном итоге выясню!

Глаза Обуховой горели, щеки ее покраснелись, а пышная грудь вздымалась при каждом вздохе.

Я, нахмутив брови, напряженно раздумывала. Наконец, внутренне решившись, я сказала:

– Ну что ж, проходите, поговорим.

Обухова тут же разделась и уже намеревалась пройти в комнату, но я остановила ее.

– Лучше поговорим на кухне, – сказала я. – Виктор, скажи Маринке, чтобы принесла нам пару чашек кофе.

Тот, как всегда, кивнул в знак согласия и исчез в комнате. Обухова прошла на кухню и, расположившись на стуле, закурила.

– Я уверена, что все это неспроста, – сказала она. – Я чувствую, что под меня кто-то копает. Налоговая полиция со своими проверками... Ну не могут они так часто приезжать просто так, без всякой, что называется, подоплеки! И эти наркотики – это уже вообще беспредел!

– У вас есть враги? – прервала я ее эмоциональный монолог.

– Я бы сказала, что есть недоброжелатели. В бизнесе по-другому, к сожалению, нельзя. – Она посмотрела на меня с некоторым оттенком назидательности. – Но я не думаю, чтобы те, кого я имею в виду, действовали бы такими методами. Я ни на кого в последнее время не наезжала... Понимаете, – она доверительно склонилась ко мне, – это уже чересчур.

– Но что вы хотите от меня?

– Того же, о чем я говорила вам сегодня утром, – сделав несколько удивленное лицо, ответила Обухова. – Как можно скорее опубликовать статью в мою защиту. Я клянусь, что наркотики мне подбросили! Клянусь вам!

Она приложила руки к груди, выразительно на меня посмотрела и, видимо, заметив в моих глазах недоверие, истово перекрестилась.

– Я понимаю, что все выглядит несколько неубедительно, – начала оправдываться она, – но... Я заплачу вам в два раза больше, чем обещала утром. Повторяю, что я ни в чем не виновата! Это чья-то грязная игра!

– Подобные вещи случались в вашем бизнесе прежде?

– Нет, никогда! – горячо ответила Обухова. – Правда...

– Что?

– Были наезды со стороны неких «братков», но там все понятно, как на ладони... Приехали, изложили свои требования, я поторговалась, и пришли, что называется, к консенсусу. А тут... Нет, так нормальные люди не поступают, – она покачала головой.

– Кого вы называете нормальными людьми?

– Тех, кому нужны деньги, разумеется, – Обухова посмотрела на меня как на идиотку. – В этом же случае вообще непонятно, что нужно этим людям! Непонятно, чего они добиваются...

– Подождите, может быть, еще рано... Требования могут быть выдвинуты... С самой неожиданной стороны.

– А я не хочу ждать! – капризно заявила Обухова. – Не хочу! Поэтому я и пришла к вам. Мне это все надоело, надо покончить с этим раз и навсегда!

– А вы уверены, что статья возымеет то действие, на которое вы рассчитываете? – осторожно спросила я.

– Во всяком случае, я очень на это надеюсь, – так же вкрадчиво ответила Обухова. – Больше обратиться мне не к кому. Не могу же я прийти в милицию с просьбой о помощи! Милиция меня сама сегодня поставила в весьма, извините за выражение, неприглядную позу.

Я согласно кивнула, пытаюсь зрительно себе представить, в какую же именно позу поставила сегодня милиция Обухову. От этих размышлений меня оторвала Маринка, которая зашла в кухню с двумя чашками кофе. Она опустилась на табуретку, хотя никто ей этого не предлагал, подперла руками подбородок и приготовилась принять живейшее участие в нашей беседе.

– Так вот я и говорю, – недружелюбно покосившись на Маринку, продолжала Обухова. – У меня на вас вся надежда. Насколько я знаю, у вас серьезное издание, которому вполне можно доверять.

– Несомненно, – важно кивнула Маринка.

Мне, признаться, тоже польстило это высказывание, но я предпочла для солидности промолчать.

– Я думаю, – заявила Маринка, – статья должна располагаться на первой полосе. Вернее, даже занимать всю первую полосу. И название нужно дать какое-нибудь громкое... «Душат честных бизнесменов»! – вытаращив глаза, ликуя, воскликнула моя подруга, преисполненная гордости за собственную находчивость.

Обухову же передернуло от столь грозного названия.

– Мы подумаем, Марина, – поспешно охладила я пыл своей секретарши, явно претендовавшей в своих высказываниях на должность главного редактора. – Сейчас дело не в этом. Я думаю о реальной помощи, которую может принести эта статья.

– А ну-ка выйдем на минутку! – дернула меня Маринка за рукав и потащила в коридор.

Там, прижав меня к стенке, она горячо зашептала мне на ухо:

– Оля, да черт с ней, с реальной помощью! Она же тебе бабки предлагает, ты что, не понимаешь? И какая разница, поможет ей эта статья или нет? Наше дело маленькое – дали статеечку – и все! Дальше уж не наша забота!

Признаться, мысль о деньгах и мне показалась весьма заманчивой. И с каких это пор я стала столь меркантильной?

– Ладно, – вздохнула я, отталкиваясь от стены. – Пойдем, а то неудобно, она сидит там одна.

– Ты дашь статью? – в упор спросила Маринка.

– Дам, дам, – успокоила я ее, возвращаясь в кухню.

Обухова нервно курила, в нетерпении ожидая моего решения.

– Людмила Николаевна, я... – начала я, но договорить мне не дал звонок телефона, раздавшийся из сумочки Обуховой.

– Черт! – пробормотала она, открывая сумочку и доставая мобильник. – Везде достанут. Слушаю, – недовольно бросила она в трубку.

По мере того, как она выслушивала то, что ей говорили, лицо ее становилось все мрачнее и мрачнее. Сама же она вставляла в разговор только нетерпеливое «ну» и удивленное «что». Наконец она отключила связь и устало положила трубку на стол. Потом она посмотрела на меня как-то обреченно, помолчала и тихо сказала:

– Вот видите, а вы не верили...

Я тут же поняла, что у Обуховой возникли какие-то новые проблемы.

– Что случилось? – спросила я.

– Снова наркотики? – влезла любопытная Маринка.

– Моего заместителя избили в собственном подъезде, – голос Обуховой дрогнул.

– Это он вам звонил? – уточнила я.

– Да, это произошло всего двадцать минут назад.

– А в милицию он обращался?

– Господи, какая к чертовой матери милиция! – в сердцах воскликнула Обухова, едва не смахнув рукой свой сотовый телефон со стола. – Мы по горло сыты милицией, неужели вы не понимаете, что все это спланировано! Они все там заодно! Я должна немедленно ехать к нему, – заявила она.

– Я еду с вами, – решительно сказала я, поднимаясь из-за стола.

– Может быть, возьмешь с собой Виктора? – обеспокоенно спросила Маринка. – Раз уж такие дела пошли.

– Да, это было бы кстати, – согласилась я. – Пойди позови его.

И Маринка тут же умчалась.

– Виктор, Виктор! – послышался ее возбужденный голос. – Немедленно иди сюда!

Через полминуты я четко изложила нашему фотографу, бывшему «афганцу», сложившуюся ситуацию. На этот раз он даже не кивнул, а сразу же деловито начал одеваться. По своему обыкновению вслух он так ничего и не произнес.

Собравшись, мы вышли на улицу. Я тут же обратила внимание, что шофера за рулем «Ниссана» нет.

– Я сама вожу машину, – с оттенком гордости проговорила Обухова, доставая из сумочки дистанционный пульт управления.

Двери послушно запищали. Мы расселись, и Обухова решительно нажала на педаль газа.

Через пятнадцать минут мы уже подъезжали к кирпичному пятиэтажному дому. Обухова заперла двери автомобиля, и мы стали подниматься по лестнице на четвертый этаж.

Остановившись перед дверью, Обухова резко нажала на звонок. Открыли нам не сразу. Испуганный женский голос поинтересовался, кто это в столь поздний час тревожит покой семьи.

– Да открой же, черт тебя дери! – послышался откуда-то из глубины квартиры недовольный мужской голос. – Это Людмила приехала.

Дверь тут же открылась.

– Ах это вы, Людмила Николаевна! – пытаюсь быть любезной, произнесла появившаяся в дверном проеме белокурая женщина в очках.

Она выглядела блекло и невзрачно. Волосы на ее голове были забраны в какой-то бесформенный пучок, и чувствовалось, что ей совершенно необходимо хоть изредка баловать их шампунем против перхоти. Лицо ее было испуганным и растерянным. Собственно, таким же оно было и у ее мужа.

Он лежал на диване, на табуретке перед ним стояла миска с водой, в которой он периодически смачивал ватный тампон и прикладывал его ко лбу и щекам. На лице его, не лишенном привлекательности, виднелись ссадины и кровоподтеки. Было совершенно очевидно, что мужику совсем недавно «начистили фейс».

– Господи, Валера, что ж происходит на белом свете? – запричитала Обухова, кидаясь к дивану и дотрагиваясь до лица раненого.

Виктор, оглядев лежащего на диване Валеру, понимающе хмыкнул.

– Валера, ты не беспокойся, это Ольга Юрьевна Бойкова из газеты, она нам поможет, – заговорила Обухова, поглаживая Валеру по голове.

Жена его при этом демонстративно вышла из комнаты на кухню, где стала греметь кастрюлями.

– Господи! – простонал Валера. – Говорил же я тебе, старая ты... – он запнулся и смущенно взглянул на нас. – Не надо было выпендриваться и кричать на каждом углу, как у нас все зашибись! Вот и накаркала, дура!

– Да что я-то, да что я-то? – захлопотала Обухова, увеличив количество поглаживаний, но Валера раздраженно стряхнул ее руку и, вскочив с дивана, заходил по комнате взад-вперед.

– Ай, ладно! – махнул он рукой. – Что теперь говорить! Надо думать, как выбираться из этого дерьма. Может быть, уехать из города?

– Я думаю, можно свалить на Гавайи! – горя глазами, предложила Обухова. – Вместе, разумеется.

– Глупее ты ничего не могла придумать, – презрительно отмахнулся Валерий.

Из кухни тут же высунулась жена, подозрительно поблескивая стеклами очков. Некоторое время они с Обуховой с заметной ненавистью буравили друг друга глазами, наконец, жена, не выдержав, снова удалилась на кухню.

– Так что делать-то будем? – спросила Обухова, неизвестно к кому обращаясь.

– Надеюсь, что сухари сушить еще рано, – не совсем веря в то, что он сказал, проговорил Валера. – Скажи еще спасибо, что магазин не взорвали, – совсем уж пессимистично закончил он фразу.

Обухова испуганно перекрестилась. Однако фраза Валерия отчасти оказалась пророческой. Спустя несколько секунд вдруг отчаянно задрожали оконные стекла. Мне показалось, что началась гроза, только гром прогремел не сверху, а снизу.

Простояв с полминуты в оцепенении, мы все, не сговариваясь, разом бросились к окну и прилипли к стеклу.

У подъезда ярким заревом полыхал обуховский «Ниссан».

– Боже мо-о-ой! – завывала она, поняв, что ничего уже не исправишь. – За что? За что?

Тут же послышался лай собак и топот ног сбегающих к подъезду зевак. Я еще подумала, насколько любопытство сильнее благоразумия – ведь не исключено, что через минуту может раздаться новый взрыв.

Обухова вдруг начала сползать по стене. Обессиленно опустившись на пол, она закрыла лицо руками и вдруг затряслась в рыданиях. Слишком много всего свалилось на нее в последнее время, и нервы ее не выдержали.

Из кухни прибежала жена Валерия. Выглянув в окно и поняв, что произошло, она поджала губы в саркастической усмешке. Похоже было, что гибель обуховского «Ниссана» ее не очень расстроила, а скорее даже наоборот.

– Люда, Люда, успокойся! – кричал Валерий, тряся Обухову. – Помогите же кто-нибудь! – он растерянно повернулся к нам. – Кто-нибудь знает, что делать в подобных случаях?

У Обуховой начиналась истерика. Первым среагировал, конечно, Виктор. Он молча подошел к Людмиле Николаевне, приподнял ее голову за подбородок и коротким движением сильно и хлестко ударил по щеке. Обухова сразу захлебнулась последним всхлипом и умолкла.

– Ну вот, – успокоенно сказал Валерий и легонько похлопал Людмилу Николаевну по щеке.

– Идемте вниз! – вдруг резко сказала она, приходя в себя, и стремительно направилась к выходу.

Мы чуть ли не бегом поспешили за ней. На улице уже толпился народ, осматривая то, что осталось от машины. Из толпы слышались реплики, свидетельствовавшие об искреннем и неподдельном возмущении людей.

– Вы только гляньте, что делается! – прижимала руки к груди какая-то пенсионерка.

– И не говори! – качая головой, поддерживала ее другая. – Скоро на улицу будет страшно выходить!

Виктор невозмутимо протолкался сквозь толпу, достал фотоаппарат, который был у него всегда при себе, навел объектив на тлеющий остов автомобиля и сделал несколько снимков, крупным планом сняв номер «Ниссана».

Я же, тоже вспомнив о своей профессии, занялась расспросами свидетелей с тем, чтобы опубликовать в статье их наблюдения. Но увы, ничего особо ценного мне узнать не удалось. Почти все говорили одно и то же: услышали взрыв, вышли на улицу. Поэтому после пятого свидетеля я прекратила это бестолковое занятие. Тем более что в этот момент во двор въехал милицейский «уазик».

Я посчитала, что на сегодня мне общения с правоохранительными органами хватит, и уже решила поскорее свалить с места происшествия, но Обухова словно клещами вцепилась в меня.

– Не оставляйте меня сейчас, Ольга, пожалуйста, – заговорила она. – Я еще не пришла в себя, вот-вот в обморок упаду. А больше мне здесь не на кого положиться.

Я посмотрела на Виктора. Тот лишь пожал плечами, оставив принятие решения на мое усмотрение.

Я даже не знаю, как поступила бы, но тут из «уазика» вылез майор милиции Здоренко, с которым судьба уже не раз сводила меня. Он как всегда был хмур. Увидев меня среди толпы, он, похоже, уже и не удивился моему присутствию, так как привык частенько встречать меня в «горячих точках». Поэтому он только хмыкнул, сразу же подошел именно ко мне и пристально посмотрел в глаза.

– Ну и что на сей раз, папарацца ты моя? – язвительно спросил он.

– Вот, – кивнула я на догорающий автомобиль. – Машину взорвали.

– Твою, что ли? – со скрытой надеждой, как мне показалось, спросил он.

– Нет, – ответила я.

– А чью же тогда? – удивился Здоренко.

– Да вот, – кивнула я на Обухову, – чморят честных бизнесменов, – усмехнулась я, вспомнив употребленное ею выражение. – То наркотики подбросят, то в подъезде избыют, теперь вот машину взорвали. И все в один день, между прочим. Вы бы разобрались, майор!

– Разберемся! – зыркнул глазами Здоренко и нахмурился еще больше.

Весь следующий час милиция занималась различного рода формальностями: опросом потерпевших и свидетелей и составлением протоколов. Мы с Виктором, как могли, успокоили Обухову и ее заместителя Валеру, и ретировались домой. Мы договорились о том, что завтра Обухова с утра придет в нашу редакцию и мы согласуем текст заказной статьи.

Глава 3

Когда мы с Виктором вернулись ко мне домой, там была только одна Маринка. Сергей Иванович, видимо, утомившись ее обществом, отбыл домой.

Подруга моя пребывала в какой-то задумчивости. Она стояла у окна и с легкой грустью вглядывалась в беспросветную темноту ночи, словно пытаясь найти там ответы на свои многочисленные вопросы.

Суть ее вопросов мне была хорошо известна, так как они отличались завидным постоянством и сводилось к одному – где найти свое личное счастье. Однако меня в тот момент больше волновало, где найти ответы на свои вопросы, которые представлялись мне гораздо более важными.

В частности, меня в первую очередь интересовало, кто же это так занялся бедной бизнесменшей Обуховой? На придирки с целью получения денег со стороны налоговой полиции это было уже не похоже. Дело выглядело куда серьезнее.

– Что это вы такие грустные? – спросила Маринка, поворачиваясь к нам от окна и томно вздыхая.

– А ты что грустишь? – задала я встречный вопрос.

– Ну, я другое дело, – как-то даже удивленно ответила Маринка, пожимая плечами. – Я натура утонченная.

По поводу этого у меня были большие сомнения, что я и выразила недоуменным поднятием бровей. А Виктор хмыкнул и включил телевизор.

– Ну так что у вас там произошло? – очнулась Маринка от своих возвышенных мыслей.

– Машину взорвали, – просто сказала я.

– Да ты чо-о-о-о-о? – вытаращила в ужасе глаза Маринка. – Ты знаешь, Оля, я ведь с самого начала предчувствовала недоброе! Прямо места себе не находила, пока вы там разбирались!

И тут я увидела, что Маринка, видимо, от волнения, съела мое пирожное, которое я оставила. Я нахмурилась и зло посмотрела на подругу. Я уже было хотела возмутиться, но потом устало махнула рукой. Хотя, согласитесь, это было просто хамством с ее стороны.

– Это кого же взорвали-то, торговку, да? – продолжала трещать Маринка, а Виктор в ответ прибавил громкость на телевизоре.

– Нет, всего лишь ее машину, – ответила я.

– Ты посмотри, что делается! – Маринка забежала по комнате. – Нет, ты посмотри, что делается-то!

Потом на середине комнаты она вдруг остановилась и повернулась ко мне.

– Нет, ну вот как тут покупать машину? – развела она руками.

– Ты собралась покупать машину? – Виктор был настолько поражен этой новостью, что произнес целое предложение, что было ему, мягко говоря, несвойственно.

– А почему, собственно, тебя это удивляет? – ледяным голосом спросила Маринка. – Я что, по-твоему, недостойна иметь автомобиль?

– А откуда у тебя деньги, Мариночка? – неназойливо напомнила я Маринке о прозе жизни.

– А Виктор на что? – удивилась Маринка, чем привела самого Виктора в состояние какого-то шокового восторга.

Наш флегматик явно оживился, но отнюдь не потому, что сильно возрадовался такой перспективе. Он выразил это хмыканьем и больше чем обычным поднятием бровей. А потом он изрек еще одно предложение из четырех слов, и я поняла, что в этот вечер Маринке удалось его достать.

– Мы еще обсудим это, – отчеканил он.

И уткнулся в телевизор. А я, вздохнув, принялась рассказывать любопытной Маринке, как все было.

– Так вот, – закуривая сигарету, завершила я свой рассказ. – Теперь я не могу понять, кому все это нужно.

– А что, если она мафии не платит? – предположила Маринка.

– В таком случае она не кинулась бы к журналистам, – возразила я. – Неужели ты думаешь, что бандиты, прочитав нашу статью, настолько бы умилились и прониклись, что перестали бы требовать дань?

Маринка, по-видимому, об этом не подумала, поэтому замолчала, но только на несколько секунд. Потом она выдвинула другую версию:

– А если это ее бывший любовник?

Виктор встал и поспешно вышел из комнаты.

– А зачем ему это надо?

– Ну, Оля! – как-то даже укоризненно произнесла Маринка. – Я всегда говорила, что ты ничего не понимаешь в отношениях с мужчинами! Ну, по крайней мере, понимаешь куда меньше, чем я, – поспешила она смягчить тон, видя мое крайне насмешливое выражение лица.

– И именно поэтому выходишь на работу из отпуска раньше срока, – съязвила я.

Маринка обиженно поджала губы и отправилась на кухню, куда не так давно сбежал от ее глупой болтовни Виктор. Там она принялась изливать ему душу. Видимо, это ему не понравилось, потому что он вскоре вернулся в гостиную, а за ним тут же пришла Маринка и усеялась, нахохлившись, в кресло. Я спокойно посмотрела программу новостей вместе с Виктором, потом зевнула и спровадила их обоих по домам.

Я легла спать, но история с Обуховой не выходила у меня из головы. Я долго ворочалась, строя различные догадки, но единственное, до чего додумалась, так это напечатать статью и посмотреть, что будет дальше.

Я встала, прошла к столу и начала набрасывать основные контуры статьи. Просидев примерно с час, я сочла, что при встрече с Обуховой нужно будет всего лишь уточнить некоторые детали, и статью можно отдавать в печать.

После этого я снова легла и моментально уснула.

На следующее утро, придя в редакцию, я обнаружила в приемной Обухову. Она нервно расхаживала взад-вперед, куря сигарету, и совершенно не слушала, как Маринка увлеченно рассказывает ей историю своей первой любви.

– Ольга Юрьевна! – сразу же бросилась ко мне Людмила Николаевна.

– Что, неужели что-нибудь еще случилось? – испуганно поинтересовалась я.

– Ничего, если не считать того, что мой магазин закрыли.

– На основании чего?

– Несоблюдение санитарных норм, – горько произнесла Обухова.

– В таком случае пройдемте в кабинет и обсудим детали статьи. У меня уже есть кое-какие наметки.

Обухова помялась, подозрительно взглянула на Маринку и покосилась в сторону моего кабинета. Я пригласила ее войти, и когда мы оказались с ней наедине, выложила перед ней черновик статьи.

Она пробежала глазами по тексту и сказала:

– В целом мне нравится. Необходимо усилить некоторые моменты. В частности...

И она принялась перечислять то, что, на ее взгляд, не совсем ярко мною было подано. Кроме того, она сообщила несколько дополнительных фактов, мне доселе неизвестных. Вышло так, что основной удар по ее магазину наносился налоговой полицией, которая откровенно к ней придиралась. Однако со всем этим не очень вязались такие криминальные про-

исшествия предыдущего дня, как взрыв машины и избиение Валерия Кудрина. Безусловно, налоговая полиция так бы действовать не стала.

И я отважилась задать Обуховой вопрос:

– Людмила Николаевна, а какие у вас сложились отношения с так называемой мафией?

Ну, с «крышей» то есть...

– Ах, это... – поморщилась она и отмахнулась. – Да там все нормально!

– Точно? – прищурилась я.

– Абсолютно, – заверила она меня. – Посудите сами, зачем мне вам врать? С крышей у меня проблем нет. Я честно плачу человеку, которому можно доверять.

– По-моему, это та категория людей, которым не очень-то можно доверять, – засомневалась я.

– Ошибаетесь! – как-то заносчиво возразила Обухова. – Эти люди, если уж берутся за дело и получают деньги, доводят его до конца. Особенно Тимур. Слышали, наверное...

Это имя я слышала, но, честно признаться, оно мало о чем мне говорило. Ну, бандит и бандит, вроде как даже пользовался уважением в определенных кругах. В отличие от других криминальных группировок, которые в последнее время были прижаты милицией, Тимур продолжал заниматься своим «бизнесом». Стало быть, имел какие-то связи среди влиятельных людей.

– Ну, так, значит, я дорабатываю статью, – подвела я итог обсуждения.

– Да-да.

– Выпуск у нас завтра, так что нам с вами необходимо встретиться сегодня после обеда, чтобы окончательно все обговорить.

– Я буду ждать вас дома, – сказала Обухова и продиктовала свой адрес.

Она с благодарностью пожала мне руку и с чувством сказала:

– Спасибо вам, Оля. Вы одна из немногих, кто поддерживает меня в этот трудный момент.

А я уж вас отблагодарю, можете не сомневаться.

Она поднялась и вышла из кабинета. Я встала и задумчиво посмотрела в окно. Я видела, как Людмила Николаевна выходит из здания редакции, как подходит к своей машине... Она уже хотела сесть в нее, как вдруг из стоявшей неподалеку синей «БМВ» вылезли двое бритоголовых парней и двинулись к ней.

Обухова как-то нервно взглянула на них и принялась что-то быстро объяснять, приложив руки к груди. Парни с непробиваемыми физиономиями слушали, синхронно пережевывая жвачку, потом один из них что-то сказал, и Обухова быстро закивала в ответ. Парни повернулись и зашагали к своей «бээмвухе». Несколько мгновений спустя она поспешно сорвалась с места.

Обухова села в машину, задумалась о чем-то и достала сигареты. Некоторое время она сидела и просто курила, а потом решительно завела мотор и умчалась.

Не успела я отойти от окна, как тут же ко мне влетела Маринка с подносом в руках, на котором стояли две чашки кофе. Весь ее вид говорил, что она еле-еле дождалась, когда уйдет Обухова, и нарочно сварила кофе под «разговор по душам».

– Ну что, договорились, что ли? – выпалила она, ставя поднос на стол так резко, что плеснула мне на ногу горячим кофе.

Я не удержалась от вскрика.

– Что случилось? – удивленно спросила она.

– Руки у тебя крюки! – возмущенно воскликнула я, потирая колено. – Вот что!

– Да ладно тебе! – беспечно проговорила она. – Знала бы ты, как меня мама в детстве обварила!

Я от души порадовалась, что мне не довелось испытать все «прелести» Маринкиного детства, и подумала, что тот ожог не прошел для нее бесследно. Видимо, основной очаг поражения приходился на ее голову...

Однако после первых глотков кофе, который как всегда был изумителен, я смягчилась и решила поделиться с подругой новостями.

– Представляешь, у нее магазин закрыли, из-за несоблюдения санитарных норм, – сказала я.

– Да ну! – Маринка отпила глоток кофе и вдруг выдала: – Значит, она просто не умеет руководить!

– Почему это? – удивилась я.

– Как почему? Посмотри, сколько к ней претензий! И со стороны налоговой, и со стороны санитарников. А уж если претензии предъявляет санэпидстанция, значит, она просто неряха!

– Да что же она, сама должна полы, что ли, в магазине мыть! – кинулась я защищать Обухову. – Она все-таки директор!

– Э-э-э, нет, не скажи, Оля! – протянула Маринка. – Оно все из мелочей складывается. Представь, если бы такое было при социализме, ее бы с работы сняли. Даже если бы она работала не простым продавцом, а, скажем, завсекцией и не могла наладить нормальную работу, кто бы ее стал держать?

Мне Маринкины слова, однако, убедительными не показались. Я терпела их ровно столько времени, сколько потребовалось мне для того, чтобы выпить чашку кофе. Мне необходимо было доработать статью и просмотреть общий макет газеты, который был положен мне на стол Кряжимским: все-таки на завтра был назначен выпуск.

Поэтому я быстро возразила Маринке:

– С чего ты взяла, что она вообще работала в торговле? Сейчас многие занялись бизнесом, хотя раньше работали где-нибудь в НИИ научными сотрудниками.

– Это она-то научный сотрудник? – скривила презрительную рожицу Маринка. – Ну ты даешь, Оля! Уж от кого, от кого, а от тебя я не ожидала такой глупости услышать!

– Обухова, конечно, не тянет на научного сотрудника, – спокойноотреагировала я, – но вполне, что к торговле она раньше не имела ни малейшего отношения.

– А мне показалась, что она типичная базарная хабалка! – категорично заявила Маринка. Я слегка поморщилась от ее слов и, нахмурившись, сказала:

– В конце концов, Марина, кем она была в прошлом, не имеет значения, и нас это абсолютно не должно волновать.

– Да ладно, ладно, – примирительно проговорила Маринка, – нам, в принципе, конечно, плевать, главное, чтобы деньги за статью заплатила. Я как раз еще на машину отложу...

И она мечтательно закатила глазки. Я же подумала, что Маринка, по-видимому, уже отложила на покупку машины рубля три.

– Эх, вот из меня бы заведущая секцией в магазине получилась! – сладко потягиваясь, сказала она по пути к двери. – Я бы такого безобразия точно не потерпела! У меня бы все ходили по струночке! – прокричала она, повернувшись ко мне и потрясая кулаком в сторону двери.

В этот момент в дверь заглянул Виктор, и Маринкин кулак очень удачно вписался ему в нос. Виктор некоторое время ошалело смотрел на нас, а потом исчез.

– Вот так... – неуверенно пробормотала растерявшаяся Маринка, и, утратив сразу весь боевой пыл, подхватила поднос и поспешно ушмыгнула.

Больше она меня до обеда не беспокоила, и я смогла доработать статью. А сразу же после обеда, как и было договорено, поспешила к Обуховой домой.

Въехав во двор, где жила владелица минимаркета, я сразу же насторожилась. Возле одного из подъездов столпились машины: три «шестерки» и один милицкий «уазик». Около

них разгуливало несколько парней, в которых по характерным деталям можно было легко определить представителей правоохранительных органов.

Заподозрив неладное, я вышла из машины и прошла к подъезду.

– Вы к кому, девушка? – сразу же перегородил мне дорогу один из оперативников.

– Я к Обуховой Людмиле Николаевне, в двести сорок пятую, – сказала я.

– Туда нельзя, – отрезал он.

– Почему? Мы с ней договаривались о встрече.

– А вы, собственно, кто?

Я вынула свое служебное удостоверение и предъявила его оперативнику. Он нерешительно почесал затылок.

– Леха, – крикнул он одному из своих товарищей. – Поднимись, спроси у Здоренко, можно ли прессу пустить.

– Здоренко? – радостно оживилась я. – Так вы ему передайте, что пришла Ольга Юрьевна Бойкова, он будет рад! – как можно более убедительно добавила я.

– Знакомы, что ли?

– И очень давно, – кокетливо ответила я.

Через пару минут вопрос о моем пребывании на месте происшествия был положительно решен.

Появление Здоренко в квартире Обуховой, как и подчиненных ему оперативников, было обусловлено одним печальным фактом – хозяйка квартиры, владелица мини-маркета «Людмила» была убита ударом ножа прямо в сердце.

Как установили прибывшие врачи, смерть наступила не ранее чем два часа назад. В милиции о случившемся стало известно после звонка неизвестного из телефона-автомата.

– Ну и что вас привело сюда на этот раз, милейшая Ольга Юрьевна? – ехидненько поинтересовался он у меня прямо с порога квартиры.

Я, ошарашенная новостью, долго не могла ничего ответить. Я лишь смотрела на тело Обуховой, лежавшее на полу и прикрытое простыней.

– Опять журналистский интерес? – продолжал выяснять Здоренко. – Оперативно работает у нас пресса, я посмотрю. Два часа назад убийство совершено, никто, кроме нас, об этом не знает, а папарацци уже тут как тут...

– Дело в том, что Людмила Николаевна обратилась ко мне с просьбой опубликовать статью в ее защиту, – собралась наконец я со словами. – Вы, наверное, уже знаете, что вчера в ее служебном кабинете обнаружили наркотики.

– Во дает! – воскликнул Здоренко и хлопнул себя по ноге. – У нее наркотики находят, а она еще жалуется! И вообще – связи с наркомафией видите чем кончаются!

Здоренко указал рукой на труп.

– Между прочим, – спокойно пояснила я, – Людмила Николаевна настаивала на том, что наркотики ей подсунули.

– А где гарантия, – все тем же ехидным тоном продолжил майор Здоренко, – что покойная Людмила Николаевна, попросту говоря, не солгала?

– А вы посудите сами, – невозмутимо объяснила я. – Она знала, что в ее магазине постоянно проводятся проверки различными органами, и обратилась ко мне с просьбой написать статью. И в такой ситуации она будет хранить наркотики в собственном кабинете? Не кажется ли вам, что это абсурд какой-то? Не совсем же она чокнутая!

– Хм, – покачал головой Здоренко, почувствовав, что в моих словах есть рациональное зерно.

– Вы опрашивали свидетелей? – спросила я.

– Ольга Юрьевна, – несколько раздраженно ответил майор. – Не учите меня работать. По моему, все оперативные действия находятся в моей компетенции. Пока, во всяком случае... Вы бы лучше рассказали, что вам известно об этом деле.

– О каком?

– О том, что в последнее время происходило с, увы, покойной ныне Обуховой.

– Я же вам говорила, что ее магазин подвергался необоснованным проверкам, сотрудники налоговой к ней придирались. А вчерашний эпизод вообще перешел всякие границы. Не мешало бы проверить сотрудников магазина и подумать, кто из них мог подбросить наркотики, – глядя куда-то в сторону, чтобы майор, чего доброго, не подумал, что я его поучаю, проговорила я. – Может быть, тогда прояснятся и мотивы этого преступления... Кроме того, вчера была взорвана ее машина и избит заместитель. Ну, это вы и сами знаете, поскольку мы с вами встречались на месте происшествия.

Здоренко, перестав обращать внимание на то, что я пытаюсь делать его работу, закурил и присел в кресло, задумавшись над моими словами.

– А кто работал над этим делом в магазине? – нахмурившись, спросил он. – Ну, когда наркотики нашли...

– Некто майор Степанчиков, – с готовностью ответила я, вспомнив суровое лицо и каркающий голос.

И тут я услышала этот самый голос из прихожей, который деловито осведомился:

– Кто там, Здоренко, что ли?

Сразу же после этого в комнату стремительно прошествовал, чуть ли не подметая пол своим длинным кашемировым пальто, сам бравый майор Степанчиков в сопровождении своих сотрудников, знакомых мне по вчерашнему эпизоду.

– Привет, майор, – бросил он своему коллеге, пожимая ему руку.

– Салют, майор, – ответил Здоренко.

Степанчиков посмотрел на него слегка прищурившись и перевел взгляд на меня.

– О! – немного удивленно воскликнул он. – Вездесущая независимая пресса...

– Добрый день, – улыбочиво поздоровалась я.

– А мы как раз о тебе говорили, – поведал Здоренко. – Ты, что ли, наркоту у нее обнаружил? – он кивнул на труп Обуховой, который уже готовились уносить.

– Я! – гордо подтвердил Степанчиков, шумно втягивая ноздрями воздух. – И надо же, как все обернулось...

– Ну и что там по этому делу? Проверяли, не подбросили ли?

Степанчиков покосился на меня.

– Да можешь говорить при ней! – махнул рукой Здоренко.

– Ты ее давно знаешь? – удивился Степанчиков.

– Да, доверять можно.

Я не поверила своим ушам. Услышать такой комплимент от самого Здоренко было наивысшей похвалой.

– Да кто подкинет! – рубанул рукой воздух Степанчиков. – Девки, что ли, молодые, которые работают у нее там?

– Но послушай, – теперь уже Здоренко покосился на меня и немного покраснел. – Ведь она знала, что у нее постоянные проверки. Что же она, совсем дура, что ли? Я сразу понял, что тут что-то не то, – важно добавил он, стараясь не смотреть в мою сторону. – Вы вообще откуда получили сигнал о наркоте?

– Да позвонили нам с налоговой, – с неохотой пояснил Степанчиков. – Сказали, что информация есть по «Людмиле». Это, сказали, не совсем по нашей части, а вы уж разберитесь. Ну мы и поехали. И, как видишь, не зря!

– Все равно нужно было девок этих проверить, – назидательно проговорил Здоренко. – Кроме того, там же не одни девки работают! Охранники всякие есть, заместители...

Услышав про заместителей, я сразу же вспомнила Валерия Кудрина, зверски избитого недавно в собственном подъезде. А что, если это все Кудрин? – пришла мне в голову мысль. Вдруг он подстроил покушение на себя? Он вполне мог незаметно подложить Обуховой наркотики. Вот только зачем? Может быть, он хотел сместить Обухову с ее места и сам его занять? А может, повздорили из-за денег? Ведь так часто бывает между компаньонами по коммерции.

Мысли завертелись у меня в голове, но в цельную картину пока не выстраивались.

– Ну, ты все, что ли, здесь закончил? – хмуро поинтересовался Степанчиков.

– Вроде бы... Труп осмотрели, увезли. Следов борьбы и взлома нет, – ответил Здоренко.

– Значит, знакомые?

– Выходит. Ты за наркотики ее задержал – что показала?

– Да ничего! – лицо Степанчикова стало кислым. – Талдычила, что не виновата, что подкинули. Я и сам стал даже сомневаться...

– Ладно, разберемся. Мы поехали... Если хотите, поработайте еще здесь.

Степанчиков ничего не ответил, а лишь прошелся по комнатам, угрюмо осмотрел обстановку квартиры, поцокал языком, когда увидел большую статуэтку обнаженной женщины, стоявшую в углу.

Только тут я вдруг обратила внимание на обстановку квартиры Обуховой. Я еще раз убедилась, что покойная не отличалась особым вкусом. Здесь наблюдалось смешение всевозможных стилей и направлений. На стенах висело несколько полотен, которые принадлежали, по всей видимости, местным абсурдистам. Наряду с ними нелепо выглядела репродукция Джонконды. Обилие хрусталя, ковров явно еще советского времени соседствовало с супермодной мебелью и бытовой техникой. Картину довершало какое-то корявое дерево в кадке.

Вся комната была буквально загромождена вещами, которые по сути дела были абсолютно лишними и ненужными. Но, возможно, по мнению хозяйки, они являлись признаком достатка и определенного уровня, которому она хотела соответствовать.

Степанчиков со своими подчиненными обошел всю квартиру, как-то лениво все оглядел и скептически выдохнул:

– Нам, кажется, пора. И вам тоже...

Последние слова его были обращены ко мне.

– Квартиру мы опечатаваем, – закончил он. – Больше здесь делать нечего.

Когда мы спускались по лестнице, я наконец полностью осознала – Обуховой нет больше в живых. И все нити, которые меня связали с этой женщиной, оборвались. Собственно, они и связали-то меня ненадолго, можно сказать, всего лишь на одни сутки. Но все равно было ощущение какой-то утраты.

Я решила обязательно напечатать статью, хотя за нее «Свидетелю» уже никто ничего не заплатит. И в статье добавить тот факт, что главного действующего лица больше нет в живых. Учитывая, что время неумолимо бежало к вечеру, мне нужно было торопиться в редакцию, внести дополнения в статью – вечером дискеты со сверстанными полосами должны были быть отнесены на фототелеграф, а потом в типографию.

Но тут случилось нечто, что полностью разрушило мои конструктивные планы. Едва мы вышли из подъезда, как я увидела, что во двор въезжает знакомая мне синяя «БМВ» с парнями, которые беседовали с Обуховой под окнами нашей редакции утром.

Неожиданно «БМВ», явно направлявшаяся к подъезду Обуховой, остановилась и дала задний ход. Я поняла, что их смутили милицейские машины.

– Майор! Михаил Анатольевич! – я сразу вспомнила, как именно звали Степанчикова.

– Что такое? – дернулся Степанчиков.

– Там машина! – показала я в сторону отъезжавшей на полных парах «БМВ».

– Ну и что? – в его глазах отразился скепсис.

– Утром те парни разговаривали с Обуховой. Я видела это из окна, они явно приезжали к ней... – я говорила сбивчиво, торопясь и запинаясь, боясь, что майор меня не поймет или не поверит.

Степанчиков, однако, отреагировал быстро:

– Борзов, в машину... Значит, это... Преследуем синюю «БМВ»!

Все, включая меня, быстренько погрузились в «десятку», на которой прибыли на место происшествия оперативники, и погоня началась.

Все время, пока мы ехали, я в нетерпении подергивала ногой. Майор Степанчиков искоса посмотрел на меня и усмехнулся. «БМВ» стремительно уходила от нас. Тут Степанчиков высунулся из окна и закричал в рупор:

– Водитель машины Р779-УЕ, немедленно остановитесь!

«БМВ» проигнорировала реплику Степанчикова и еще сильнее прибавила газу.

Степанчиков продолжал орать, пока вдруг не охрип. Он повернулся к Борзову и просил:

– Борзов!

– А? – откликнулся тот.

– Давай ты, а то у меня с голосом что-то... Простыл, видать.

И Борзов принялся увещевать преследуемых. Но они упорно продолжали двигаться вперед. Шофер выжимал из «десятки» все, что можно, я же вжалась в сиденье и молилась про себя, чтобы мы вместе с «БМВ» не врезались куда-нибудь ненароком.

Когда и Борзову надоело убеждать парней остановиться, Степанчиков решил проявить инициативу:

– Свяжись по рации с гибэдэдэшниками, пусть остановят – скорее всего, они сейчас свернут направо, там через два квартала пост.

Борзов потянулся к рации. Степанчиков оказался прав: «БМВ» действительно повернула направо и двинулась в сторону детского парка. Я заметила, что лицо майора приняло какое-то успокоенное выражение. Он уже не сомневался, что сейчас к делу подключатся гибэдэдэшники, и все будет закончено.

Однако буквально через минуту ситуация разрешилась совершенно неожиданным образом: на следующем перекрестке отчаянно пытавшаяся уйти от нас «БМВ» врезалась в выходящую из-за угла «восьмерку». Я невольно ахнула.

Степанчиков, также не ожидавший подобного поворота событий, пробормотал ругательство.

– Глуши! – крикнул он водителю и первым выскочил из машины, держа в руках пистолет. Двое его подчиненных, обгоняя его, бежали к месту аварии. Я же осталась в машине, опасаясь, что может завязаться перестрелка, и, осторожно выглядывая из окна, старалась рассмотреть, что там происходит.

– Быстро из машины! Руки на голову! – доносились до меня крики Степанчикова и его подчиненных.

Парни из «БМВ», которые, по всей видимости, в аварии особо не пострадали, послушно выбрались из машины и встали лицом к ней, заложив руки за голову.

Шофер «восьмерки», который находился в машине один, тоже вышел, держась одной рукой за голову. Очевидно, он ударился ею при столкновении.

Оперативники усердно хлопали по бокам двух парней, извлеченных из «БМВ», выбивая из карманов всякую лежавшую там всячину. Степанчиков гоголем ходил вокруг, задрал нос и держа руки в карманах своего так приглянувшегося мне коричневого пальто.

– Так, быстро их в машину, повезем, разбираться будем, – отрезал он и шумно высморкался.

Борзов вместе со своим товарищем грубо затолкали парней в «десятку».

– А как же я? – робко спросил шофер «восьмерки».

– ГИБДД разберется, – бросил Степанчиков, даже не посмотрев в его сторону. – Это не наше дело. Вот девушка с вами останется, – он показал в мою сторону. – В качестве свидетеля пойдет.

– Да вы что! – подала голос я. – Я вас, можно сказать, навела на эту «БМВ», а вы меня здесь кидаете! Как хотите, а я еду с вами.

– Мест нет! – вытаращив свои глаза, прямо мне в лицо проорал Степанчиков.

– Я поймаю машину и поеду за вами.

Степанчиков посмурнел, вздохнул и вдруг рубанул рукой по воздуху:

– А, ладно! Делайте что хотите!

Я тут же остановила проезжавшего мимо «жигуленка». Пожилой водитель вопросительно уставился на меня.

– За той машиной! – сказала я, показав на «десятку», в которую уже важно усаживался Степанчиков, подбирая полы своего пальто.

Водитель подозрительно смотрел на меня.

– Я заплачу нормально, – успокоила я его, и он, подумав чуть-чуть для приличия, махнул рукой.

– Садись...

Собственно, ехать особо долго не пришлось, поскольку совсем скоро мы оказались у здания, где располагался РУБОП. Я поблагодарила водителя, сунула ему двадцатку, чему он был несказанно рад.

Парней выволокли из машины и повели в здание. Майор Степанчиков распорядился, чтобы меня провели в кабинет и напоили кофе. Меня ждало горькое разочарование – кофе «от РУБОПа», в отличие от Маринкиного, к которому я привыкла, оказался ужаснейшим пойлом.

Я из вежливости выпила полчашки, потом взяла лежавшие на столе журналы «Интерпол» и начала методично их пролистывать. В такой скучной обстановке прошло около часа. В это время в соседнем кабинете шел интенсивный допрос двух парней.

Наконец появился Степанчиков.

– Они от Тимура, – коротко объяснил он. – Знаете такого?

– Да. Именно он, кажется, был «крышей» у Обуховой. А что насчет показаний по делу?

Степанчиков скептически посмотрел на меня и шумно вздохнул.

– В убийстве они не признаются, говорят, просто заезжали по делам.

– А чего же они сразу сдернули, как увидели милицейские машины? Значит, было, чего бояться.

– Ну, во-первых, таким, как они, никогда не хочется встречаться с представителями органов, во-вторых, у них в машине нашли пакет с травой, ну, а в-третьих, они у Тимура занимают самое низкое положение – шестерки, короче. Их и в дела-то не посвящают, просто посылают, когда нужно разобраться с кем попроще, с каким-нибудь лохом. Ну вот, они приехали, увидели, что что-то не так, и перепугались. Подумать и сообразить вести себя как ни в чем не бывало у них ума не хватило. Теперь еще и от Тимура по башке получают, – довольно сказал Степанчиков. – Когда выпустят, разумеется. Это дело с травой можно раскрутить.

Я подумала, что Степанчикову, по-видимому, было наплевать, за что посадить этих парней. Скорее всего он придерживался принципа «вор должен сидеть в тюрьме», а за что он его туда упечет – неважно. Как говорится, «был бы человек хороший, а статью подберем».

– А как они объясняют свою беседу с Людмилой под окнами редакции? Что им было нужно? – спросила я.

– Да говорят, что просто по текущим делам приезжали. Ничего особенного. Мы им там... массаж сделали, – Степанчиков хитро посмотрел на меня. – Все равно, собаки, на своем стоят!

Не убивали – и все! Да я, честно говоря, и сам думаю, что не они, – сказал он, смущенно уставясь в стол. – На фига бы они потом возвращались? Они же ничего не забыли там.

– А может быть, забыли? – я серьезно посмотрела на него.

Степанчиков задумался и нахмурился.

– Ладно, разберемся, – произнес он дежурную фразу. – Вам спасибо большое, – он протянул мне свою жилистую руку, – сейчас я распоряжусь, вас отвезут. Куда вам, домой или на работу?

– Лучше в редакцию, – попросила я. – У меня еще дел много. Статью нужно дописывать.

– Я, кстати, вот о чем хотел вас попросить, – с напором в голосе сказал Степанчиков. – Вы только в своей статье на меня не ссылайтесь. У нас это не приветствуется. Договорились?

Я в своей практике много раз сталкивалась с подобными просьбами, а некоторые особо нудные типы вообще по несколько раз перечитывали черновики статей и просили переписать по-новому, чтобы смягчить какие-то моменты, в конечном итоге заботясь о том, чтобы не получить по кумполу от вышестоящих лиц. Поэтому я с пониманием отнеслась к просьбе Степанчикова и заверила, что его фамилия «засвечена» не будет.

С этим я и распрощалась с майором, поблагодарив его за отвратительный кофе.

Глава 4

Когда я приехала в редакцию на рубоповской машине, там все стояли на ушах. Особенно разорвалась, естественно, Маринка.

– Оля, ты нас с ума сведешь! Мы не знали, что и думать! Ведь газету надо уже нести на фототелеграф! – раскудаhtалась она с порога.

«Ну посмотрите на нашу дурочку!» – захотелось мне сказать ей в ответ.

Однако Маринку тут же поддержал Кряжимский, деловито напомним:

– Ольга Юрьевна, двадцать один пятнадцать.

– Ничего, Сергей Иванович, мы все успеем, – усталым голосом успокоила я Кряжимского. – Просто возникли непредвиденные обстоятельства. Статью придется переделывать.

– А что случилось? – поинтересовался Кряжимский.

– Людмилу Николаевну убили, – сообщила я.

Тут Маринка ойкнула, Кряжимский поднял брови, а сидевший за компьютером Виктор застыл с каменным лицом.

– Но как же... Как же это случилось? – Маринка даже понизила голос до шепота.

– Я приехала к ней, – стала рассказывать я. – А там уже милиция работает во главе со Здоренко. Потом приехали рубоповцы...

Я быстро рассказала всю историю, описала погоню и то, что было после.

– Таким образом, – заключила я, – в статью немедленно нужно вносить коррективы, и особый акцент сделать на том, что главная участница этих событий к настоящему моменту уже мертва.

Все сразу засуетились, стараясь каждый оказать посильную помощь. Я на ходу диктовала статью, Кряжимский записывал, Маринка постоянно подносила новый кофе. Она, надо отдать ей должное, сразу же осознала, как изменилась ситуация, и приняла серьезный вид: помалкивала, не лезла с глупыми замечаниями, и вообще вела себя тихо.

Через час статья была готова, и мы послали на фототелеграф Виктора.

На следующий день газета благополучно вышла. И после этого еще три дня никаких событий, связанных с этим делом, не происходило.

Но вот однажды вечером, когда Маринка с Виктором были у меня в гостях, мы вдруг вспомнили о деле Обуховой.

– А вот интересно, Оль, наша статья принесла хоть какую-то пользу? – спросила меня Маринка.

– Во всяком случае, я сегодня проезжала мимо мини-маркета и обнаружила, что он работает. Не буду же я теперь следить за всеми бизнесменами! Я со своей стороны сделала все, что могла. Причем совершенно бескорыстно. Так что считаю себя абсолютно свободной от этого дела, и совесть моя чиста. И думаю, на этом можно поставить точку.

Однако, как оказалось, точку было ставить еще очень рано. Только я проводила Маринку с Виктором, как в дверь позвонили. Я подумала, что это Маринка как всегда что-то забыла и вернулась, поэтому даже не посмотрела в глазок.

Каково же было мое удивление, когда на пороге я увидела двух парней в кожаных куртках. Один из них, мордастый и плотный, был серьезен и хмур, второй же, высокий худощавый светловолосый парень, наоборот, улыбался и поглядывал на меня довольно дружелюбно, даже с каким-то любопытством.

– Вам кого? – спросила я, решив, что они ошиблись дверью.

– Бойкова? – односложно спросил мордастый.

– Да.

– Поговорить надо, – сказал он, оттесняя меня и проходя без приглашения в квартиру.

«Вот оно, началось», – подумала я. Почему-то я сразу связала появление этих парней со статьей, посвященной Обуховой.

Вслед за мордастым прошел и второй парень, аккуратно прикрыв за собой дверь. Они уселись в кресла. Мордастый вытянул ноги и закурил сигарету. Выпуская дым колечками, он спросил:

– Ты какого хера воду мутишь?

– В каком смысле? – решила уточнить я.

– В прямом, – рявкнул он. – Зачем ментам капнула насчет машины? Нас этот твой Степанчиков достал уже...

– Так вы от Тимура? – догадалась я. – Тогда хоть представились бы. Меня зовут Ольга Юрьевна.

– А меня Сергей, – первым ответил светловолосый.

– Толянном можешь меня звать, – лениво бросил мордастый. – Только ты нам зубы не заговаривай. Мы по делу пришли.

– Может быть, хотите кофе? – спросила я.

– Чего? – как-то сразу офонарел Толян.

– Кофе мы не пьем, – отрезал тот, кто представился Сергеем. – Нам бы покрепче чего.

– Могу предложить коньяк.

– Давай, – согласился Толян.

Коньяк, надо признать, я была не против выпить и сама, поскольку была взволнована. Когда рюмки с коньяком были наполнены, я предложила тост за знакомство.

– А ты ничего, – сказал Сергей, оглядев меня с ног до головы. – Только вот не в свое дело влезла. Тебе бы любопытства поумерить – цены бы тебе не было.

– Но послушайте, – заговорила я в свое оправдание, – убили человека, который заказал мне статью в собственную защиту. И я в какой-то степени несу за него ответственность. Когда я увидела машину, то подумала, что люди, сидящие в ней, могут иметь прямое отношение к убийству. Потому что не далее как утром того дня я видела их разговаривающими с Людмилой Николаевной.

– Ну и что? – спросил Толян и одарил меня недружественным взглядом. – Мало ли какие базары могут быть между деловыми людьми...

– Ты вот что, – сказал Сергей. – Запомни, что мы к этому делу никакого отношения не имеем. Завтра же езжай к Степанчикову, скажи, что разговаривала с Обуховой перед ее смертью, и та сказала – никаких проблем с Тимуром и его братвой у нее нет. Наоборот, мол, эти ребята обеспечивали ее безопасность.

– Хреново, выходит, обеспечивали, – не удержалась я от ехидного замечания.

Толян вскочил, подошел ко мне и приподнял мою голову за подбородок:

– А это уже не твое дело, лапуля... – почти ласково проговорил он. – Тебе же сказали: любопытство свое поумерь.

– Короче, хватит базарить, – сказал Сергей и улыбнулся. – Ты, я думаю, все поняла. Девочка ты умная, главный редактор все-таки. Так что сознаешь, что мы можем и не так по-дружески приехать.

В его глазах вдруг появился огонек затаенной угрозы. И я поняла, что этот человек только с виду такой милый и улыбчивый. Если же затронуть его интересы, он будет действовать совсем по-другому.

– Да, я все поняла, – с готовностью сказала я. – Завтра я съезжу к Степанчикову, все ему объясню и не стану больше лезть в это дело.

– Вот и умница, – довольно констатировал мордастый Толян и потрепал меня по щеке. – Потопали, – бросил он Сергею.

Тот в дверях обернулся и с улыбкой произнес:

– Спасибо за коньяк. Надеюсь, что новой встречи не будет.

Встреча, хоть и обошлась без особых эксцессов, прошла для меня напряженно. И поэтому, когда они ушли, я сразу же позвонила Виктору.

– Еду, – коротко резюмировал он и повесил трубку.

Я походила туда-сюда по квартире, стараясь унять противную мелкую дрожь в коленках. Когда раздался звонок в дверь, я внимательно посмотрела в глазок, прежде чем открыть.

– Я, – успокоил меня Виктор.

Я открыла и сразу же, почувствовав себя в безопасности, расслабилась. Все напряжение сегодняшнего вечера вдруг выплеснулось наружу, и я, повиснув в руках Виктора, расплакалась. Он осторожно погладил меня по спине, отвел в гостиную, уложил на диван.

– Рассказывай, – сказал он после того, как сходил на кухню и накапал мне в стакан вальерьянки.

Я выпила и поведала произошедшую со мной историю. – Я остаюсь, – коротко сказал он.

* * *

На следующее утро Виктор, приготовил завтрак – свою неизменную яичницу. Мы с удовольствием поели и выпили кофе.

По дороге на работу Виктор спросил:

– Сегодня тоже?

Я кивнула, поняв, что он имеет в виду, стоит ли ему оставаться у меня ночевать.

– Нужно выждать несколько дней на всякий случай. Я пока не собираюсь ничего предпринимать.

– А Степанчиков? – поинтересовался Виктор.

– Я к нему съезжу, – утвердительно сказала я. – Но не для того, о чем говорили эти парни. Я помню, что Степанчиков и сам сомневался в их вине. Так вот, я узнаю, не открылись ли новые обстоятельства в этом деле. Я выясню только это и больше светиться не буду. Хватит. Вчерашний вечер и так дался мне тяжело.

Виктор кивнул, одоблив тем самым мои планы. К Степанчикову я собиралась ехать часам к одиннадцати, после того, как разгрёбусь с утренними делами.

Утренние дела, однако, так и остались незавершенными, потому что у меня с утра засела Маринка, которой не терпелось узнать подробности вчерашнего инцидента.

– Я тебе еще когда говорила, Оля! – назидательно крутила она пальцем у меня перед носом. – Нечего было с самого начала с этой Обуховой связываться. Вот, теперь и расхлебываем ни за что ни про что! И денег нет!

Я поразились, насколько Маринка легко меняет свое мнение – кажется, она сначала была за то, чтобы я дала статью, потом против, потом снова за и так без конца. Я в очередной раз убедилась в том, что с логикой у моей подруги изначально не сложилось, и постаралась поскорее свернуть этот абсолютно неконструктивный разговор. Быстренько собравшись, я поехала в РУБОП к Степанчикову. Времени было половина десятого.

К Степанчикову меня долго не пускали, проверяли документы, выслушивали мои объяснения насчет того, что я по очень важному делу, которым занимается Михаил Анатольевич. Потом, наконец, поверили, но попросили подождать.

Я села в коридоре на один из длинного ряда стульев, положила сумочку на колени и стала ждать, когда майор сумеет уделить мне время.

Прошло около двадцати минут. Потом дверь кабинета распахнулась, оттуда вывели законченного в наручники парня, а следом высунулось лицо самого Степанчикова. Сегодня оно было краснее, чем обычно, к тому же волосы майора были взъерошены. Видимо, он очень усердно проводил допрос.

– Проходите, – буркнул он мне. – Что там у вас еще случилось?

Я вошла и присела на очень жесткий и неудобный деревянный стул.

– Кофе хотите? – спросил Степанчиков, вытирая пот со лба.

– Нет, спасибо, – отказалась я, памятуя, какое поило в ходу у сотрудников РУБОПа. – Я, собственно, пришла узнать, нет ли новостей по делу Обуховой.

– Пока нет, – коротко ответил Степанчиков. – Братву ту мы за наркоту посадим. Но в убийстве они не замешаны. Тут могу дать гарантию – незачем им было ее убивать, и вообще магазин ее подставлять. Ведь они на этом живут.

– Тогда что же?

– Если бы я знал, то давно бы уже принял меры, – Степанчиков начал потихоньку раздражаться.

– Значит, совсем ничего?

– Ну, случилось кое-что... Может, и не имеет отношения к делу, а может быть, наоборот, имеет, – Степанчиков нервно растер руками лицо.

– Что?

– Вчера ночью стекло разбили в магазине «Людмила». Вневедомственная сообщила.

– Ну, это уже совсем какое-то ребячество, – протянула я разочарованно.

– Так я и говорю! – вскочил с места майор. – Хрен ее знает, случайно это или нет.

– А все-таки, – вдруг вспомнила я. – Кто именно из налоговой полиции дал вам тогда информацию о наркотиках в «Людмиле»?

– Я вам этого не скажу, – твердо отрезал Степанчиков. – Мы со своей стороны проверили сотрудников магазина, вроде бы никто особо с этим делом не связан. С другой стороны, и мотивов не было. Все работой довольны, никто подставлять руководство не имел ни малейшего желания.

– А вы разговаривали с Кудриным, заместителем Обуховой?

– Как же, как же... Только вчера. А что?

– Вы не думаете, что он является первой кандидатурой на роль убийцы?

Степанчиков поморщился и задумался.

– Ну, допустим... Но улик-то никаких. У него на время убийства полное алиби.

– Сам мог и не убивать, а нанять кого-то, – возразила я.

– А перед этим нанять их же, чтобы они отмащивали его в подъезде? – недоверчиво продолжил мою мысль майор.

– А что вас смущает? Это вполне возможно.

Степанчиков помолчал, сдвинул брови, раздул ноздри, посмотрел на часы и твердо сказал:

– Все, мне работать пора. Я думал, вы мне что-то сообщить хотите... А вы версии обсуждать пришли.

– Если будет что, я обязательно вам позвоню, – заверила его я.

Я специально не стала говорить Степанчикову про посещение «братков» из группировки Тимура, так как знала, что у майора характер крут. Поэтому догадывалась, что он может предпринять меры, которые потом могут обернуться против меня.

Я попрощалась с бравым рубоповцем и поехала назад, в редакцию. И как всегда, только я вошла в приемную, мне навстречу поднялась обеспокоенная Маринка.

– Ну, что еще? Что еще случилось? – решила опередить ее я. – Ты беременна от Леонардо ди Каприо? Или тебе сделал предложение Антонио Бандерас?

Маринка на секунду опешила, потом вдруг приложила руку к животу, нахмурилась... Некоторое время она постояла так, раскрыв рот, потом вспыхнула:

– Тыфу ты! Пугаешь меня... Глупостями разными... Никакого понятия о деле. Там вон Кудрин пришел, – показала она в угол, где около свободного компьютера скромно восседал грустный заместитель Обуховой.

Я заметила, что синяки на его лице уже почти прошли, но, несмотря на это, вид он имел весьма удрученный.

– Здравствуйте, Валерий, – сказала я.

Кудрин тут же поднялся мне навстречу.

– Вы хотели со мной о чем-то поговорить? Пойдемте ко мне в кабинет.

Кудрин покорно встал и засеменил вслед за мной. Как только дверь закрылась, он сел в кресло и усталое, со вздохом, заговорил:

– Я уже совсем ничего не понимаю в этой жизни.

– Вы о чем?

– У меня такое ощущение, что кто-то хочет свести меня с ума.

– Вы имеете в виду вчерашний инцидент со стеклом в магазине? – сразу же спросила я.

– Если бы только это... Я вижу, вы неплохо осведомлены...

– Да, я поддерживаю связь с органами, – подтвердила я. – Раз уж я вошла в это дело, так считаю своим долгом знать обо всем. А что, еще что-нибудь случилось?

– Да так, – как-то вяло развел он руками в воздухе. – Шины вот вчера прокололи на машине, а сегодня утром выхожу – а в дверях торчит букет алых роз.

– Ну и что?

– Да все было бы ничего, если бы не тот факт, что их головки были обломаны. А сами цветы источали какой-то неприятный, смрадный запах, я даже не понял, какой именно. Едкий такой... – Кудрин снова попробовал помочь себе в разговоре жестами.

– Видимо, из какого-то баллончика полили, – предположила я. – Сейчас такие в изобилии продают.

– Так вот, я и не понимаю – кому и зачем все это надо? Ну, с Людмилой разобрались, конечно, круто... А вот подобные истории я совсем не могу понять – что хотят от меня? Если уж убивать – так сразу. Хотя кому надо меня убивать? Какой в этом смысл? – он поднял на меня глаза, как будто желая получить от меня ответы на свои вопросы. Если бы я их знала... Было видно, что человек явно растерян и не может в полной мере адекватно воспринимать окружающее.

– У вас совершенно нет никаких версий насчет того, кто это все мог сделать? – осторожно спросила я.

– Абсолютно никаких! – Кудрин посмотрел на меня открытым и честным взглядом.

– Конкуренты? Мафия? – продолжала насаждать я.

– Да нет! – отмахнулся Кудрин. – Нет! Они так никогда бы не стали действовать.

– А по-моему, взрыв машины и убийство как раз по их части.

– Это да, – согласился Кудрин. – Но все остальное... К тому же, перед тем как убивать, обычно предупреждают и предъявляют конкретные требования. Здесь же просто беспредел какой-то!

– Скажите, Валерий, а в личном плане у вас нет никаких недоброжелателей?

– Ну, если даже и есть, то при чем тут Людмила?

– А если взять, к примеру, вашу жену? – я в упор посмотрела на Кудрина, явно намекая на то, что между ним и Людмилой существовали некие отношения, которые не могли нравиться жене Валерия.

Кудрин смутился и сказал:

– Ну... Э-э... Между нами нет особой сердечной привязанности. Это давно уже в прошлом. Ее интересует только мое материальное положение, а в остальном она махнула на меня рукой.

– То есть делай все что хочешь, что ли?

– Примерно так. Да и к тому же – откуда у нее деньги на взрывчатку, на наем убийц? Ведь у нее тоже алиби, как и у меня, – заметил Кудрин. – Да и не в ее это характере. Уж я-то знаю. Он еще немного подумал, наморщив лоб, и снова покачал головой:

– Нет, это точно не она. Я уверен.

В разговоре наступила пауза. Я первой нарушила ее:

– Конечно, все это весьма занимательно. Я понимаю, что вы находитесь в недоумении и потом никак не отойдете от смерти Людмилы, но чем я вам могу помочь?

– Да вы знаете, я почему-то подумал о вас в первую очередь... Даже не знаю почему. – Кудрин еще больше растерялся. – Возможно, из-за того, что именно к вам обратилась Людмила. Кстати, она очень хорошо о вас отзывалась. Считала человеком порядочным. Потом вы журналистка, то есть обладаете определенными возможностями. И еще...

Кудрин вдруг задумался. Лицо его стало нахмуренным и сосредоточенным.

– Личные моменты... – вдруг задумчиво пробормотал он себе под нос.

– Что-что? – переспросила я.

Кудрин ничего не ответил. Он вдруг расстегнул ворот рубашки и стал растирать себе грудь.

В этот момент в дверь заглянула Маринка, которая принесла кофе. Видимо, ей хотелось хоть краем уха послушать, о чем мы беседуем с Кудриным. – Валерий, пейте кофе, – предложила я.

Он меня не услышал, и мне пришлось повторить свое предложение.

– А? Что? – вдруг очнулся он.

– Кофе, пожалуйста, – в третий раз сказала я.

– Ах... да-да, спасибо.

Он взял чашку, сделал один глоток, потом резко поставил чашку на место и быстро встал. Походив немного по кабинету, он снова вернулся в кресло. Маринка во все глаза следила за поведением Кудрина. Я знаком показала ей, чтобы она вышла. – Валерий, – тихо сказала я. – Вы подумали о чем-то, что может иметь отношение к этому делу? Вам пришла в голову какая-то догадка?

Мой вопрос поверг Кудрина в некоторое замешательство.

– Нет, – покачал он головой. – Мне ничего не пришло в голову.

Я внимательно посмотрела на него.

– Валерий, если вы действительно хотите, чтобы я вам помогла – хотя я еще не представляю, как, – вы должны быть со мной полностью откровенны...

– Мне нечего вам сказать, – резко ответил он и встал. – Извините, что побеспокоил. Не следовало мне к вам приходить. Вы мне и в самом деле не поможете. До свидания.

– Вы хорошо подумали? – крикнула я ему в спину.

– Да, – он повернулся. – Еще раз извините...

Едва Кудрин ушел, оставив меня в легком замешательстве, как в кабинет вошла Маринка.

– У меня уже горечь во рту от кофе, – сказала я ей, откидываясь на спинку кресла. – Ну не хочешь – не пей, – сразу же согласилась она. – Расскажи мне лучше, зачем он приходил.

– Думаю, он и сам не знает, – ответила я, закуривая сигарету. – Он очень растерян. И мне кажется, что именно сейчас он понял причину смерти Людмилы...

Глава 5

На следующий день мне почему-то все время вспоминалось лицо Кудрина. Особенно тот момент, когда, как мне показалось, на него снизошло озарение. Я даже подумала, а не съездить ли самой к нему поговорить? Была какая-то недосказанность после нашего разговора в редакции.

Я решила посоветоваться с Кряжимским, но его не было на месте: он поехал по редакционным делам в местную организацию «Женщины России». Виктор заперся у себя в лаборатории и никого не пускал. Пришлось остановить свой выбор на Маринке. Это, конечно, ничтожная замена Кряжимскому в плане дать совет, но другого выхода у меня не было.

– Марин, – высунувшись из кабинета, позвала я.

– А? – сразу же откликнулась моя секретарша и подруга. – Кофе сделать?

– Да, пожалуй, и себе тоже сделай, я поговорить с тобой хочу.

Маринка, почувствовав собственную ценность и значимость, быстро сварганила кофе и с удовольствием плюхнулась в кресло в моем кабинете.

– В машине тоже мягкие сиденья сделаю, – мечтательно проговорила она.

– Каким образом? – поинтересовалась я.

– Ну, чехлы куплю дорогие.

– Может, ты с них и начнешь? Пока машины нет? – поддела я ее.

Маринка задумалась. Мне сразу же вспомнилась недавняя история, когда Маринка загорелась идеей купить себе компьютер, но не весь сразу, а постепенно. И начать она решила с коврика для мыши. В итоге она приобрела коврик, а на саму мышь уже не хватило средств. А потом идея с покупкой компьютера постепенно угасла, впрочем, как и все Маринкины блестящие идеи, а коврик так и остался. Теперь он служит Маринке подставкой для чашки.

– Так, ладно, скажи лучше, как ты думаешь, ехать мне к Кудрину или нет?

– К Кудрину? – нахмурилась Маринка. – А кто это такой?

– Ну ты даешь, подруга! – даже возмутилась я. – Совсем ничего не помнишь? О чем ты вообще думаешь? О том, как машину купить? Кудрин – это заместитель Обуховой, менеджер по поставкам! Который приходил к нам не далее как вчера. И ты даже с ним любезничала в приемной, – подковырнула я Маринку.

– Я? – оскорбленным тоном воскликнула она. – Да у меня и в мыслях не было! Ха! Подумаешь, Кудрин!

– Так ехать мне к нему или нет? – не выдержала я и пристукнула рукой по столу.

– А зачем? – Маринка пожала плечами и сделала глоток кофе.

– Понимаешь, мне показалось, что он был со мной не до конца откровенным. То есть в начале разговора он был искренен, а вот потом... Он как будто что-то понял, что-то самое главное...

– Ну и что? Тебя по-прежнему интересует это дело? Зачем это тебе, Оля? Ведь он, кажется, не собирается заказывать нам статью и платить за нее. Я не узнаю тебя, Оля!

– Конечно, если бы он пообещал тебе купить чехлы для машины, ты бы не сомневалась в резонности помощи ему! Это я что-то не узнаю тебя, Мариночка!

– Ну хорошо, а почему ты думаешь, что он тебе скажет теперь? Если бы он захотел, то рассказал бы сразу, а раз нет, значит, у него есть причины это скрывать. Я думаю, если ты хочешь узнать эти причины, то нужно действовать по-другому.

– А как по-другому?

– А этого я не знаю! – как-то даже весело ответила Маринка.

– Ну вот, тоже мне, дала совет, – обиделась я.

– Ну извини, – теперь уже Маринка отреагировала каким-то обиженным тоном. – Я тебе сказала то, что думала.

И, взяв поднос с пустыми чашками, вышла из кабинета. Я погрузилась в пучину рутинных дел, которыми прозанималась до обеда. Было на удивление тихо: телефон молчал – за три часа Маринка ни разу не попросила меня к трубке.

Только я хотела позвать Маринку, чтобы помириться, как неожиданно она появилась сама.

– Тебя к телефону, майор какой-то... Смешная такая фамилия, я не запомнила...

– По-моему, тебе пора принимать винпоцетин, – покачала я головой. – Что-то с памятью твоей стало в последнее время. Весна, наверное...

Излив все свое ехидство на Маринку, я взяла трубку и услышала знакомый каркающий голос майора Степанчикова:

– Ольга Юрьевна! Это Михаил Анатольевич вас беспокоит, из РУБОПа. Вы просили позвонить, если появится что новое, и я вот, так сказать, считаю своим долгом пригласить вас к себе.

– А что случилось, можно узнать? – осторожно спросила я.

– Вы приезжайте поскорее, – уклончиво ответил он и повесил трубку.

Я быстро собралась и пошла к выходу.

– Оль, ты куда? – крикнула Маринка, которая просто не могла оставаться в неведении.

– К Степанчикову, – бросила я. – Есть новости.

– Да ну? – сразу же заинтересовалась Маринка и поспешила ко мне, наскоро вытирая руки носовым платком – она как раз набирала воду в джезву. – И какие?

– Пока не знаю, – честно ответила я. – Вернусь – все расскажу.

– Ты только не задерживайся, как в прошлый раз, – назидательно проговорила Маринка. – А то чуть выпуск не сорвался!

– Ладно тебе, тоже мне, главный редактор! – остановила я ее и вышла на улицу.

«Лада» моя в тот день стояла под окнами редакции, так что до РУБОПа я добралась без проблем. К Степанчикову меня на этот раз пропустили сразу.

Майор сидел в своем кабинете и мрачно курил. Напротив него на стуле я увидела Валерия Кудрина с совершенно потерянным лицом. Он беспрестанно вытирал обильно струящийся пот со лба.

– Здравствуйте еще раз, Ольга Юрьевна, – Степанчиков протянул мне руку. – Садитесь. Вот, случилось непредвиденное...

Я посмотрела на Кудрина.

– У меня украли дочь... – каким-то бесцветным голосом сказал он.

Я даже не знала, что ответить. Охать и ахать, выражая соболезнования и сочувствие, казалось мне кощунственным. Я никогда не имела детей, но могла себе представить, какие чувства сейчас бушуют в душе этого человека. Мне стало его очень жаль.

– Когда? – только и вымолвила я.

– Сегодня утром, – ответил вместо Кудрина Степанчиков. – Она не вернулась из школы, как оказалось, она до нее и не дошла...

– А в обед мне позвонили, – сглотнув слюну, продолжил Кудрин. – Сказали, что моя дочь у них.

– И что? Потребовали выкуп?

– В том-то и дело, что нет! Вообще что-то непонятное. Не требовали абсолютно ничего, вы понимаете? – Кудрин поднял на Степанчикова красные воспаленные глаза. – Просто говорили, что моя дочь у них, и что я никогда ее больше не увижу.

– И все?

– Можно сказать, что и так... Я спросил, чего они хотят, сказал, что готов заплатить любые деньги, но в ответ мне послышался только смех. Издевательский смех...

– Они говорили что-нибудь насчет того, чтобы вы не смели обращаться в органы?

– Говорили, но совсем не то, что в таких случаях говорят похитители, – после некоторой паузы сказал Кудрин. – Сказали, что я могу обращаться куда захочу, мне все равно это не поможет. Что я приговорен...

– Не сказали, что перезвонят?

– Нет... Ничего больше не сказали, только смех этот ужасный раздался, а потом гудки. Я совершенно не представляю, что делать!

На Кудрина больно было смотреть. Он сильно осунулся и даже, как мне показалось, постарел.

– Если бы они захотели денег... – умоляюще проговорил он, – я бы отдал все, что у меня есть! Но только не это непонятное глумление! Господи, ведь она еще совсем ребенок! Что они с ней сделают?

– Сколько лет девочке? – спросила я.

– Тринадцать, – уныло ответил Кудрин.

Мы со Степанчиковым переглянулись.

– Михаил Анатольевич, – подала я голос. – А не было ли слышно в последнее время о каком-нибудь маньяке, похищающем девочек?

– Да вроде нет, – ответил Степанчиков. – Правда, это не по моему ведомству, но я сразу, как только узнал о похищении дочери Валерия Александровича, позвонил ребятам и расспросил. Они говорят, что ничего подобного не было.

– А пытались выяснить, как пропала девочка? Может быть, из одноклассников кто что видел?

– Она не дошла до школы, – повторил Степанчиков. – Одна бабулька на лавочке сидела, так вот она говорит, что видела, как к девочке подъехала машина, водитель ей что-то сказал, она кивнула и села. Бабка говорит, что еще подумала про себя, мол, как не боится в чужую машину садиться? И все, больше Наташу никто не видел.

– А что за машина?

– Да что бабка понимает в машинах! – раздраженно махнул рукой Степанчиков. – Кудхатала только, что на улицу выходить страшно. Говорит, правда, что машина длинная была и темная. Иномарка, видимо, какая-то, да разве ее по таким приметам найдешь!

Кудрин, услышав последние слова Степанчикова, согнулся пополам и застонал.

– Успокойтесь, – нахмурился сразу Степанчиков. – Найдем мы вашу девочку, все силы приложим.

– Да как же ее искать! – трагическим голосом сказал Кудрин. – Сами же говорите, что вычислить эту машину нереально!

– Ну, это уж наша забота, – ответил Михаил Анатольевич. – Мы не впервые сталкиваемся с подобными случаями, уж поверьте мне. Прежде всего нужно установить в вашей квартире пост.

– Это как?

– Посадим у вас дома нашего сотрудника, он будет сидеть и ждать звонка от похитителей. Может быть, они и сами нагрянут с визитом... Где, кстати, ваша жена?

– Дома сидит, лекарства пьет успокоительные. Она сейчас в шоке, – угрюмо ответил Кудрин.

– Это, кстати, очень опрометчиво с вашей стороны, – озабоченно сказал Степанчиков.

– Почему? – не понял Кудрин.

– Ведь ей тоже может угрожать опасность. Вы не думали об этом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.